

ЯРОМИРА

УКРАДЕННАЯ
КНЯЖНА

ВИКТОРИЯ БОГАЧЕВА

Виктория Богачева
Яромира. Украденная княжна

«Издательство CLEVER»

2025

Богачева В.

Яромира. Украденная княжна / В. Богачева — «Издательство CLEVER», 2025

ISBN 978-5-00-252724-3

Яромира – княжна ясноглазая, из отцовского терема похищенная да судьбой с порога родного дома уведенная. Ступила за резные врата и не ведала, какие тропы ей уготованы, какие беды да утраты... Харальд – муж суровый, конунг северный, грозный, из дальних холодных земель. С сердцем, ветрами и битвами закаленным. Не чаял, не гадал, где любимую свою встретит... Меж ними моря студеные, дороги нехоженые, земли чужие да темные. Да разве под силу клятвам горьким и обетам верным удержать узами сердце, коли оно любовью полнится?

ISBN 978-5-00-252724-3

© Богачева В., 2025

© Издательство CLEVER, 2025

Содержание

Пролог	6
Князь Ладожский	8
Княжеская дочь	14
Кметь с косой	18
Похитители	22
Конунг Харальд	26
Предатель в тереме	30
Побег княжны	36
Сборы князя	41
Нечаянное спасение	48
На драккаре викингов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виктория Богачева

Яромира. Украденная княжна

© Виктория Богачева, 2025

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Иллюстрация в тексте использована по лицензии © Shutterstock

* * *

Пролог

Драккар¹ разрезал огромные волны Северного моря. Ледяной ветер трепал паруса из суровой холстины. Над головой висела мрачная, серая хмарь; тучи спускались низко-низко, почти касались поверхности воды, в которой отражалось темное небо. Всюду, куда бы ни падал ее взор, виднелось лишь бескрайнее море, и Яромире казалось, что не осталось нигде ни земли, ни цветов, ни ясного солнца. Лишь одна беспроглядная серая тьма.

Она сама была во всем виновата. Следовало слушать отца. И матушку.

На драккаре было холодно от промозглого ветра и ледяных брызг, и Яромира куталась в тяжелый плащ с чужого плеча. Он пах морем и солью. Он пах звоном меча и кличем боевого рога. *Он пах им.*

Яромира повернула голову, стараясь ничем себя не выдать, и посмотрела на мужчину из-под опущенных ресниц.

Его звали Харальдом Суровым, и не было на всем Севере конунга² отважнее и храбрее. Он был строгим вождем, и люди слушались его беспрекословно. Харальд не чурался обычной работы и вместе с остальными греб, ставил паруса, вычерпывал с палубы воду. А Яромира наблюдала за ним украдкой и была рада даже такой малости. Ведь очень скоро у нее отнимут и это.

– Не мерзнешь, княжна? – Конунг присел на скамью рядом с ней, кутавшейся в плащ на меху и похожей на воробушка, сам одетый в простые штаны и рубаху.

Яромира молча покачала головой: здесь, на корабле, ей порой бывало теплее, чем в родном тереме под грудой одеял.

Глубокий, грудной голос Харальда заставлял ее глупое сердце биться в дюжину крат чаще. По рукам и плечам у нее побежали мурашки, и Яромира поежилась. Девичья гордость велела ей отвернуться да прекратить глядеть на мужчину, который не был ей ни мужем, ни отцом, ни родичем. Но душа... в его присутствии трепетала, словно цветок на ветру. Ее бросало то в жар, то в холод.

Никогда в жизни она не боялась глядеть мужчине в глаза! Ничего и никого не боялась храбрая дочь князя Ярослава Ладожского, но нынче было ей страшно. Страшно поднять лицо, страшно встретиться с конунгом взглядом. Страшно утонуть в его темно-лазоревого, как море в ясный день, глазах.

Мужчина не уходил, и Яромира замерла, напряженная и растерянная. Он старательно избегал ее последние дни. На небольшом драккаре это казалось невозможным, но Харальд был великим конунгом, а им, как известно, все было по силам.

Нынче же против обыкновения он сидел рядом с ней на скамье, касался бедром пышных складок ее теплого плаща, и она видела перед собой его натруженные, сильные руки с надувшимися от тяжелой работы жилами: его люди, да и он сам гребли с самого рассвета.

Она бы многое отдала, чтобы эти руки, эти шершавые ладони вновь коснулись ее лица.

– Гардарики³ уже в паре дней пути, – сказал Харальд, и у Яромиры заныло сердце.

Так норманны называли ее дом. Стало быть, Ладога уже близко.

Ей захотелось расплакаться. Вестимо, она сдержалась. Яромира была княжной, а не девкой-чернавкой и никогда не стала бы лить слезы при чужом муже.

¹ Узкая парусно-гребная ладья викингов с высоко поднятыми носом и кормой. На носу крепилась резная голова дракона (отсюда и название типа корабля), а по бортам располагались щиты (*здесь и далее примечания редактора*).

² Военный вождь, высший представитель родовой знати у скандинавов в раннее Средневековье.

³ Слово «Гардарики» можно перевести как «Страна городов». С VIII–IX веков это имя применялось к северным славянским землям, включая цепь крепостей вдоль р. Волхов от Любши до Старой Ладоги.

Она не плакала, даже когда осталась совсем одна. Когда попала в плен. Когда уже протиснулась с жизнью, решив броситься в ледяное море.

...Харальд спас ее тогда.

Спас для того, чтобы стать ее погибелью, ведь княжна полюбила и не могла вытравить любовь из сердца, как ни старалась.

Харальд откинул с лица длинные, распущенные волосы. Шнурок, которым он стягивал их, порвался пару дней назад во время лютого шторма. Суровый воин, он не привык много болтать. Открывал рот, чтобы отдать приказ да ответить на редкий вопрос: его люди понимали с полувзгляда.

Но подле маленькой княжны, съезжившейся на лавке будто пичуга, ему отчего-то всегда хотелось поговорить. Он знал, что не вправе, и потому старался лишний раз даже в сторону ее не глядеть.

Не глядеть на волосы, что отливали золотом на редком солнце. Не глядеть на молочно-белое, светлое лицо с нежной кожей, которую бессовестно щипал холодный ветер. Он говорил княжне не сидеть на палубе да прятаться под навесом, который он для нее сколотил, да разве ж такой, как она, прикажешь?..

Скоро он передаст ее с рук на руки отцу, конунгу Гардарики Ярислейву⁴. И вернется в свою ледяную, суровую страну и позабудет лицо княжны, перестанет видеть ее даже в снах. Перестанет представлять, как нежна ее кожа, как пахнут ее волосы, каково было держать ее ладони в своих руках...

– Харальд конунг... – Яромира заговорила с ним слегка хриплым от долгого молчания голосом, и он пожалел, что задержался подле нее на скамье.

Он посмотрел на нее и провалился в бескрайнее, бездонное море, утонув во взгляде.

Опустил тяжелый кулак на дубовую, огрубевшую от соли скамью. Их пальцы соприкоснулись на мгновение, и его словно хлыстом вытянули по хребту. Яромира вздрогнула, но руки не отдернула. Напротив, подвинулась ближе, накрыла его пальцы своей ладонью и крепко сжала.

Харальд резко повернулся к ней, и лицо ее оказалось совсем рядом. Так близко, что он видел тень пушистых ресниц на ее щеках. Слова застряли в горле. Все внутри кричало, что это ошибка, за которую придется заплатить. Но разум бессилен был одолеть то, что жгло в груди.

Конунг наклонился и жадно коснулся ее губ, будто утолял жажду. Их холод обжег его сильнее огня.

Яромира замерла, глаза ее широко распахнулись, но она не оттолкнула его. Лишь дрогнула, приоткрыла губы, и в этот миг он почувствовал, что она отвечает. Нерешительно, боясь признаться даже самой себе, но отвечает на его поцелуй.

Мир вокруг перестал существовать: шум моря, чужие голоса, крики птиц. Был только этот миг и они вдвоем.

А потом раздался тихий свист, и в дерево ровно между ними вошла стрела. Только и затрепетало знакомое оперение.

⁴ Ярослав. Харальд произносит имя на своем языке, потому оно звучит иначе.

Князь Ладожский

В гриднице было шумно, а такое случалось редко. Обычно Ярослав склок и криков в своем тереме не терпел, и к этому давно привыкли его дружина и бояре. Но нынче он сам дозволил им всласть пошуметь, чтобы схлынули гнев и злость. Опираясь локтем на деревянный престол, он внимательно следил за тем, что и как говорили его люди.

– Княже... – Воевода Будимир, стоявший слева от престола, наклонился к нему и спросил негромко: – Утихомирить?

– Пушай поговорят. – Ярослав махнул рукой.

Вроде бы вести они получили скверные и тревожные, но на душе у него было спокойно. Скоро будет сговорена вслед за старшей и средняя дочка, а там, пока младшая подрастет, будет у него лет десять, чтобы передохнуть. Все же девок замуж отдавать куда сложнее, чем женить сыновей!

Ярослав огладил густую короткую бороду, в которой появилась уже первая седина, и усмехнулся. Со дня на день ждали на Ладоге жениха Яромиры – княжича Воидрага с дядькой, воеводой Видогостом. Справят сватовство, скрепят новый союз меж двумя княжествами. Усилит Ладога свои границы, вдвое больше мужей сможет выставить против хазарского войска... и не только хазарского.

Ярослав нахмурился, растер ладонью глаза. Принесли вести, что в Новом Граде⁵ осели дерзкие воины с далекого Севера. Уже заслали во все стороны гонцов: мол, покоритесь, отправьте дань, иначе умоетесь кровью. Придется вскоре собирать княжеское вече да решать, как на их дерзкие речи ответить.

Принес лихой ветер норманнов из северной, холодной страны.

– Взад им голову посланника отправить, и точка!

Предложение боярина, как поступить с гонцом, что доставил послание из Нового Града, было встречено сдержанным, но одобрительным гомоном.

– Больно скор ты на расправу, – ответствовали ему из толпы. – Коли с миром пришел к нам Рюрик, так что же мы станем голову рубить?

– Да с каким миром, побойся Перуна! – не утерпели гридни. – Сулит, что кровью умоемся, коли не покоримся да дань не станем платить.

– Я думал, они на ладьях задницы себе отморозили. А выходит, еще и разум! – Воевода Будимир покачал головой, и его меткое замечание было встречено дружным хохотом.

Ярослав призадумался. Не шибко ли веселятся дружина да бояре? Они, знамо дело, радовались скорому союзу меж двумя княжествами, который укрепит Ладогу. Но и Новый Град недалеко, и коли осели там клятые норманны...

– Надо бы нам весть послать. Князю Харальду⁶. Может, ведает он, откуда в Новом Граде взялся хирд⁷ его соплеменника. – Когда Ярослав заговорил, все прочие голоса стихли.

Гридь и бояре согласно закивали. Мысль была доброй.

С дружиной Харальда у Ладоги был мир. А несколько лет назад он и вовсе – дело неслышанное прежде! – побывал в гостеприимном тереме Ярослава Мстиславича. Добрых три седмицы провел здесь, задержался почти на весь серпень⁸. Расстались, почитай, добрыми дру-

⁵ Новгород.

⁶ Ярослав говорит на своем языке, поэтому конунг стал князем.

⁷ Боевая дружина в Скандинавии эпохи викингов. Хирд подчинялся конунгу, ярлу или херсиру и представлял собой подопбие семьи.

⁸ Август.

зьями, договорившись о торговых путях. С тех пор ладожские ладьи редко трепали в Северном море. Охранял их Харальд и брал за это плату медами, мехами да иными диковинками.

– Славная мысль, Мстиславич! Может, и подмоги у него испросим.

– Рано еще об этом говорить. – Ярослав покачал головой и окинул взглядом гридницу. – Ну, довольно на сегодня. Пройдет сватовство, зашлем людей, соберем князей на вече. Поглядим, что с Новым Градом делать станем, но ни пяди земли прибуде норманнской не отдадим!

Гридь согласно зашумела, и Ярослав довольно прикрыл глаза.

Когда он вышел из полутемной гридницы на подворье, солнце уже перевалило за половину дня. Немало времени проговорили они. Почитай, с самого утра. Оставалось приветить княжича Воидрага, скрепить сватовство и созвать вече. Дерзким норманнам из Нового Града следовало дать отпор. Совсем зарвались, охальники, князьям грозить стали! Да и чем?! Кровью, говорят, умоетесь.

Ярослав хищно усмехнулся. Знал он уже таких. Все как один лежали в земле, мертвые и безмолвные. Сами умылись тем, что сулили другим. Он остановился на крыльце и сделал глубокий вдох. Свежий осенний воздух остудил голову и ретивое сердце.

Почитай, двенадцать лет минуло с той поры, как собрал он великую рать и надолго отвандил хазар от княжеств русов. Прошло немало времени, прежде чем вновь решились степные псы покуситься на чужие земли. Постарел он, но в груди по-прежнему билось горячее сердце, и гнев вспыхивал быстро, и был князь Ярослав скор на расправу. Рука, держащая меч, не утратила силы, и крепко он стоял на ногах, знал за собой правду.

– Больно смурен ты лицом, князь.

Он улыбнулся, услышав насмешливый голос жены. Княгиня Звенислава Вышатовна шагала к нему по подворью, а за ней семенили теремные девки. Она остановилась перед мужем возле крыльца и запрокинула голову, приложив раскрытую ладонь к глазам, шурясь от солнца. Совсем забегалась с хлопотами да заботами: предстояло им сватовство княжны Яромиры и целая седмица пиров-празднований, и гостей они ждали, и всех разместить надобно, обиходить, напоить-накормить...

– На тебя давно не глядел, вот и кручинюсь, – в тон жене отозвался Ярослав и, довольный, увидел, как у нее на щеках вспыхнул румянец.

Спустя двенадцать лет любя ему была Звенислава намного крепче, чем в самом начале. Княгиня укоризненно посмотрела на мужа и покосилась на теремных девок: те притихли у нее за спиной и старательно глядели в другую сторону.

– Ты отчего одна? Где Яромира? – уже безо всякой насмешки спросил Ярослав и спустился к жене по крыльцу.

Та не успела пожать плечами, когда вдалеке послышался девичий смех-колокольчик. Князь и княгиня посмотрели в сторону ворот: Яромира как раз вошла на подворье, а рядом с ней гордо вышагивал старший сын воеводы Будимира кметь Вечеслав.

Их дочка залиvisto смеялась, то и дело поглядывая на высокого, ладного кметя, который изо всех сил ее веселил. Шли они совсем близко. Так, как не полагалось ходить почти невесте, просватанной княжне.

Ярослав нахмурился, уже свел на переносице брови и приготовился окликнуть вконец зарвавшегося щенка, когда на запястье ему легла ладонь жены.

– Пустое, – прошептала Звенислава, подобно мужу не сводя взгляда с дочери и молодца подле нее. – Пусть походит, недолго уже осталось. Не сегодня завтра ждем сватов.

Ярослав заскрипел зубами, но себя смирил. Может, и права была княгиня. Еще немного, и придет конец вольной девичьей доле. Уедет она из отцовского терема в чужое, неведомое княжество. Станет женой человека, которого почти не знает.

Разве ж есть какая беда, коли княжна поозорничает самую малость? Будимиров щенок с самого детства за Яромирой увивался, уж сколько раз был за то порот отцом, а к княжне не

охладел. Звенислава зорко следила за дочкой, но не замечала меж нею и Вечеславом ничего, что потребно было бы пресечь. Потому и нынче мужа остановила. Ни к чему Яромиру беречь, она и без отцовских окриков тревожилась перед сватовством да ночами не спала.

Не ведала тогда княгиня, как сильно ошибалась. А коли б ведала, сказала мужу, чтобы в тот же миг услад Вечеслава подальше. Чтобы духа его на подворье не было. Много горестей тогда бы предотвратила Звенислава Вышатовна. Но, верно, на роду у них написано было иное, и потому все вышло, как вышло.

* * *

Столы в гриднице ломились от яств, а лавки – от бесчисленных гостей. Ярослав вместе со Звениславой сидел во главе одного из столов, и по обе стороны от него разместились родня, ближняя гридь, родовитые бояре, храбрые кмети, отроки да совсем еще мальцы. Гул стоял такой, что не слышно было собственных мыслей. Тек рекой хмельной мед, поднимались кубки за здоровье князя и его семьи, звучал смех; мужчины пытались перекричать друг друга. Нынче на Ладоге большим пиром привечали княжича Воидрага, а на утро наметили сватовство.

На почетном месте, справа от отца, сидела Яромира. Почти уже жених не сводил с нее жадного взгляда, но не он один любовался ею нынче. Она же, нарядная и раздумывавшаяся, на княжича Воидрага смотрела редко. Но порой улыбалась ему быстрой, мимолетной улыбкой, и у того все вскипало в груди.

Звенислава разгладила на груди новенькую свиту из багряного аксамита с меховой опушкой и поправила нарядную кичу с высокими рожками. Она довольно улыбалась, оглядывая шумный пир и гостей. Не пропали втуне усилия. Не напрасно почти не спала ночами последние две седмицы, не зря сбилась с ног, тревожась, чтобы все прошло гладко, чтобы все были обихожены. Сердце радовалось, когда замечала она, как княжич Воидраг смотрел на Яромиру. За дочь тревожилась она сильнее всего, и понемногу тревога утихала. Жених ее уже полюбил, взгляда отвести не мог, смотрел непрестанно – чего еще желать?

Звенислава улыбалась, вспоминая собственное, такое далекое сватовство. И то, как непросто ей пришлось на Ладоге в первое время. Украдкой она нашла руку Ярослава и сжала под столом. Поймала на себе удивленный взгляд мужа и сразу же почувствовала, как он бережно погладил ее ладонь в ответ.

– Здрав будь, князь Ярослав Ладожский, во многие, многие лета! – Воевода Стемид, приехавший на праздник из Белоозера, где был посадником, вскочил на ноги и вскинул над головой переполненный кубок.

Следом за ним встали с лавки и воевода Будимир, и десятник Горазд, и воительница Чеслава, и многие кмети, и на какое-то время в гриднице поднялся невообразимый шум.

Звенислава встала со скамьи, оправив подол аксамитовой свиты, и направилась на другой край стола, где сидели женщины. На праздник приехала ее двухродная сестрица Рогнеда, с которой не виделись они несколько лет.

За минувшее время Рогнеда Некрасовна стала лишь краше, и даже рождение единственного долгожданного сына не погубило ни тонкого стана, ни нежного лица. Не портил ее и вдовий убор: больше года назад в очередной схватке с хазарами был убит ее муж, служивший воеводой одному из степных князей.

Звенислава опустила на лавку рядом с сестрой, и та сказала, не сводя с Яромиры внимательного взгляда:

– Белой лебедушкой выросла. Совсем дитем ее помню, а как расцвела... Когда сватовство-то?

– Утром, – рассеянно отозвалась княгиня, думая о своем.

– Приставь к ее горнице надежного человека, – вдруг сказала Рогнеда, задумчиво крутя на запястье тяжелое обручье. – Гляжу на нее и себя узнаю.

Ладожская княгиня вздрогнула и посмотрела на сестру с недоверием и опаской. Обе очень хорошо помнили, что случилось с Рогнедой, когда к ней посватался нелюбимый, и что она натворила.

– Хуже не будет.

– Приставлю, – отозвалась Звенислава решительно и свела на переносице светлые брови. – Непременно приставлю.

Какое-то время они сидели молча, наблюдая за празднеством со стороны. Столько всего промеж ними случилось, столько было вначале обид, боли, непонимания... Но кровь все же не водица, и прошедшие годы сблизили двух сестер, да так, что и не скажешь, коли не ведаешь, что двухродные они, а не родные.

– Стемид с тебя взгляда не сводит. – Звенислава вдруг развеселилась, забыв на время тревогу о дочке.

Ясноокая красавица Рогнеда подняла тонкую темную бровь и лишь улыбнулась. В прошлом сотник, а нынче воевода Стемид прикипел к ней сердцем еще двенадцать лет назад, когда вместе с братом-князем жила она в тереме на Ладоге. Но невозможно было княжне стать женой простого ратника, и потому уехала Рогнеда в свое далекое степное княжество, где подыскали ей подходящего жениха. Она и не противилась. Однажды гордость уже взяла над нею верх, и много горя это всем принесло.

Князь Ярослав поднялся с лавки, а следом за ним и вся гридница. Он улыбнулся, посмотрев на дочь, и ласково положил ладонь ей на плечо. Та вздрогнула – едва заметно, но все же.

– Ну, гости дорогие, пора мне честь знать. Ешьте, пейте, веселитесь! А завтра поутру жду всех на подворье, будут сватать нашу лебедушку.

Яромира зарделась, а по гриднице разлетелся радостный, оглушающий вопль. Мужчины застучали кубками о столы, громко заговорили, выкрикивая поздравления.

Ярослав вместе с семьей ушел, следом потянулись и женщины с мужьями, и вскоре за столами остались лишь молодые кметы да гридни. Тем-то вольготно было просидеть на лавках до самого утра!

Ночь выдалась душной, и князю не спалось. Чтобы не разбудить ненароком жену, он поднялся с лавки на рассвете, надел портки и холщовую рубаху, в которой не отличить его было от простого кметя, да вышел на подворье. Снаружи терема было тихо и спокойно. Лучи восходящего солнца золотили искусную резьбу на крыше высокого сруба, скользили по утоптанной земле, осушали выпавшую росу.

Ярослав вдохнул полной грудью и потянулся с наслаждением, до сладкого хруста в лопатках.

– Ой! – В него сзади влетел старший сын Крутояр.

Мальчишка удивленно захлопал глазами и запрокинул голову, глядя на отца, которого не ожидал повстречать на крыльце в такую рань.

Ярослав тоже подивился.

– Пошто не спишь? – спросил он.

– Я поупражняться хотел, – отозвался Крутояр. – Дядька Горазд сказал, что нынче ему с нами некогда, а мне неохота день пропускать!

– Вот что. – Ярослав усмехнулся. – Ну, коли десятнику Горазду некогда, ступай с князем.

Крутояр подпрыгнул на месте от радости. Нечасто у отца находилось время погонять по двору сыновей! Они успели зайти за терем и взять настоящие, лишь слегка затупленные мечи, когда внимание Ярослава привлек какой-то шум. Крутояр обернулся вслед за отцом: к ним со всех ног мчались два кметя.

– Господин! – Они распростерлись на земле, подняв вокруг пыль, и князь нахмурился. – Господин, княжна Яромира пропала!

* * *

– Я задушу его, своими руками задушу! – Воевода Будимир, опустившись перед князем на одно колено, сжал тяжелые кулаки.

Рык рвался из его горла. Отчаянный рык отца, чей сын совершил нечто такое, что вовек не забудется. Вечеслав не просто ослушался строгого батьку, не просто поступил поперек. Он предал отца, предал род. Предал князя, которому клялся в верности, когда опоясали его мечом да приняли в кмети.

Вечеслав пропал из терема вместе с княжной Яромирой, и несложно было присовокупить одно к одному. Они сбежали.

Звенислава изо всех сил зажала руками рот, борясь со всхлипами, и Крутояр, про которого в суете позабыли, неловко погладил мать по руке. Ярослав разбудил ее совсем недавно, и спросонья она не уразумела даже, о чем говорил муж. Как могла Яромира пропасть? У нее же утром, вот-вот, скоро, сватовство будет...

Уразумев, Звенислава вскочила с лавки, заметалась по горнице и толком не успела одеться и стояла нынче в княжеских покоях на мужской стороне терема в непотребном для княгини виде.

У дверей возле стены тряслись два кмета, принесшие скорбную весть. Они охраняли горницу Яромиры и упустили княжну, перебрав с хмельным медом. Оба дрожали, представляя, что за такое сотворит с ними князь.

Рыжий воевода Стемид и десятник Горазд, хмурые и встрепанные, стояли позади коленапроклоненного Будимира и не отрывали взглядов от дощатого пола. Как ни крути, а кмети – их забота, их печаль. Все, что на подворье происходило, их касалось.

Из ближнего круга князя доставало лишь Чеславы, но воительницу Ярослав отправил в погоню. Может, отыщет, коли далеко не ушли. А не отыщет, так визнает что.

– Украсть княжну лихие люди не могли? – спросил Ярослав, стараясь не глядеть на трех своих ближников.

Делалось ему тошно от одного лишь вида склоненных голов. А что до воеводы Будимира, отца щенка, покусившегося на его дочку... Лучше князю и вовсе головы в его сторону не поворачивать, а то совершит непоправимое. Добро, боги оградили: рано поутру он меч в горнице оставил, а после с сыном намеревался на затупленных упражняться.

Ярослав захрустел кулаками. Гнев, овладевший им, обуять он был не в силах.

– Не мог, княже. – Стемид пригладил рыжий вихор. – Одной лошади недосчитались на конюшне. Вячко... Вечеслав ее запрягал. И в горнице у княжны все ладно, беспорядка нет...

– Добро, – с каменным лицом процедил князь. – Стало быть, своей волей дочь ушла.

Слова князя падали в горнице тяжелыми камнями, гулко ударялись о дощатый пол и катились по нему.

– Горазд, – Ярослав позвал того, на ком видел меньше вины, – собери людей. Отправьте погоню. По земле, по воде. Немедля, не дожидаясь Чеславы. Далеко они уйти не могли.

Десятник молча склонил голову и спешно вышел из горницы. Медлить было нельзя, в этом князь прав. Юноша да девка, куда бы им податься? Гридь сыщет их еще до захода солнца, но вот позора Ярослав Мстиславич не оберется.

– Что княжичу Воидрагу да дядьке его скажем, господин? – Стемид встретился с князем взглядом и поспешно отвернулся.

Никогда он не слыл трусом. Никогда ничего не боялся. Но нынче посмотреть в лютые, черные глаза Ярослава он не сдюжил.

– Правду, – отрезал тот.

– Может, обождем? – едва слышно предложила княгиня.

Бледная словно первый снег, она отняла от лица руки и вытянула их вдоль тела.

– Чего обождем? – нехорошим голосом переспросил Ярослав, заскрежетав зубами.

– Коли отыщут Яромиру... пошто княжича станем напрасно тревожить. – Звенислава буквально выталкивала из себя слова. – Скажем ему, мол, занемогла, в горнице лежит...

– Да как тебе такое на ум пришло?! – прогремел князь. – Княжичу в глаза лгать?! Вижу, чему ты дочерей учила! Немудрено, что Яромира всех вокруг пальца обвела да сбежала!

Княгиня отшатнулась, словно муж ее ударил, и вжалась плечами в дощатый сруб. Перед матерью мгновенно вырос Крутояр, готовый заступиться за нее даже перед отцом.

Ярослав тяжело, рвано дышал. Его грудь вздымалась, глаза метали молнии. Он пожалел о злых словах, сорвавшихся с языка, раньше, чем они прозвучали, но был слишком разгневан, чтобы объясняться с женой. Вестимо, на нее он напрасно осерчал.

Яромиру упустила дружина, охранявшая терем. Быть может, упустил он, дав дочери слишком много воли. С воительницей Чеславой позволял мечи тягать. С щенком Вячко дозволял беседы вести. Не пресек раньше. Не уберег.

– Прости меня, господин. – Звенислава закусила щеки, и скулы заострились так, что о них можно было порезаться. – За слова мои неразумные. И не серчай. – Приложив раскрытую ладонь к груди, она склонила голову и медленно, плавно, словно лебедушка, направилась к двери.

Когда за княгиней бесшумно закрылась дверь, Ярослав взвыл. Не сдержавшись, приложился тяжелыми кулаками по деревянному срубам, содрал с костяшек кожу, и острая боль чуть отрезвила, помогла обуздать себя. В неистовстве он собой не владел. Поостыв же малость, сразу почувствовал, как прояснился разум.

– Со всеми чернавками, теремными девками, мамками да няньками княжны поговори, – приказал он Стемиду. – Припугни, коли нужда будет. А ты же, *воевода*, – отдельно, едва ли не по слогам произнес, и Будимир, уже простившийся с жизнью, поднял голову, – допроси кметей, с кем твой... с кем Вечеслав дружбу водил. Не может такого быть, что втайне ото всех они сбежать замыслили. Кто-то да проговорится. Всё, ступайте.

Он махнул рукой, и мужчины поспешно покинули горницу. Проводив их долгим взглядом, Ярослав чуть ссутулился и, подойдя к столу, залпом осушил чарку с квасом. Услышав позади шорох, резко обернулся. За всеми разговорами позабыл, что в горнице вертелся старший сын.

Нынче же Крутояр стоял от него в одном шаге и порывался что-то сказать.

– Был у Мирошки помощник, отец, – произнес мальчишка и втянул голову в плечи. – Я.

Он опустил взгляд на дощатый пол и переступил с ноги на ногу. Стыд жег глаза, и смотреть на князя было больно. И страшно.

– *Что ты сказал?* – нехорошим, вкрадчивым шепотом переспросил Ярослав.

Зажмурившись, Крутояр пробормотал скороговоркой:

– Я Яромире сбежать подсobil.

Княжеская дочь

Яромира ушам своим не поверила, когда посреди ночи услышала тихий знакомый стук. Раз, другой, третий. Кто-то снаружи кидал камушки в бревенчатый сруб прямо рядом с небольшим оконцем в ее горнице.

После сытой, пьяной трапезы в честь дорогих гостей терем крепко спал. И был лишь один человек, у которого хватило бы духу на такое безумство.

Когда Яромира выглянула наружу, то увидела, что прямо под ее оконцем на княжеском подворье стоял Вечеслав. Запрокинув голову, он терпеливо ждал и расцвел широкой улыбкой, когда заметил княжну.

Яромира постучала костяшками пальцев себя по лбу и огляделась. Но вокруг не было ни души, лишь от гридницы доносились приглушенные пьяные голоса.

– Вячко! – яростным шепотом позвала она. – Ты последний разум отбил, никак?..

– Мирошка! – отозвался восторженный, чуть захмелевший кметь. – Спустишь! Мне сказать тебе надобно!

– Что сказать? – Княжна покачала головой и скрестила на груди руки. – Вчера мы все сказали!

Еще седмицу назад Яромира маялась и сомневалась из-за грядущего сватовства. Привыкла она, что Вечеслав, Вячко, с малых лет таскался за ней всюду, молчаливый, верный и безнадежно влюбленный. Пока отец не позволил ей упражняться на мечах с Чеславой, именно Вячко понемногу, потихоньку учил ее, вопреки строгому запрету князя и воеводы Будимира.

Он ходил с Яромирой и ее старшей сестрой в лес собирать землянику; он терпеливо ждал, пока те плели венки и пускали их по реке; носил за ними тяжелые лукошки; сопровождал на торг; следовал по пятам бесшумной тенью.

Яромира так привыкла к нему, что не мыслила жизни без верного Вячко. Но были вещи гораздо важнее ее привычек. Матушка была права: пора взрослеть. Их детская дружба да влюбленность молодого кметя ни к чему не могли привести. Яромира – княжеская дочь. Ей надлежало выйти замуж за того, на кого укажет батюшка. А Вечеслав – кметь в дружине ее отца. Ему надлежало исполнять то, в чем он клялся кровью, – служить князю.

Все это как-то улеглось у нее в голове за последние дни, а совместная трапеза с отцом и матушкой накануне приезда сватов окончательно укрепила Яромиру в непростом решении. Может, и была она самую малость влюблена в Вячко. Он был хорош собой: красив, высок, силен и смотрел на нее, не отводя взгляда.

Так что ж с того, что влюблена?.. Мало ли таких глупых, влюбленных девок на свете. В конце концов, и они поступают так, как им велят. И потому накануне Яромира разыскала Вечеслава на подворье и выложила ему все, что надумала.

И вот нынче, после пира в честь жениха, Вячко пришел к княжне под окошко и кидал камушки в бревенчатый сруб. Он так делал издавна. Их старая детская игра, переросшая во взрослую забаву.

– Мирошка! – чуть громче и требовательнее позвал Вечеслав, и Яромира обеспокоенно завертела головой. – Выдь! А то шуметь буду.

Княжна, задохнувшись от возмущения, свела на переносице брови и вздернула нос. Вячко был, верно, малость пьян. Еще на пиру она заметила, как тот прикладывался к кубку. С него станется, и впрямь шум поднимет. А все подворье полно гостями, что приехали вместе со сватами и княжичем Воидрагом.

Нехотя Яромира натянула одежду потеплее поверх длинной рубахи, подошла к оконцу и высунулась из него по пояс, опираясь на резные ставни. Вячко просиял улыбкой и поднял руки, изготавившись ловить княжну. Прыгать было невысоко, и, по правде сказать, так из горницы

ускользала Яромира уже не раз и не два. Потому-то приставленные матушкой кмети ее позабавили. Через дверь покидать терем она всяко не собиралась.

Ее горница оконцем выходила на заднее подворье, подальше от ворот и зорких глаз стражников. С этой стороны терема по вечерам и ночам никто особо не ходил, и потому отлучки княжны до сих пор не были замечены.

Вячко, поймав Яромиру, не спешил отпускать, и она сама отвела в сторону его руки и отступила. В нос ударил слабый запах хмеля, и княжна нахмурилась, но кметь поднял перед собой ладони и шагнул назад:

– Не пьян я, не пьян, Мирошка. Не страшись.

– Я и не страшусь! – Яромира фыркнула и тряхнула косой.

Вечеслав вздохнул. Глядеть на красавицу княжну ему было больно.

– Чего тебе? – поторопила она, озираясь по сторонам. – Давеча ведь согласился ты со мной!

– Попробуй с тобой не согласишься... – Вячко пробубнил себе под нос и развел руками. – Да я вот... помыслил в последний разочек, а, Мирошка? Пойдем поглядим, как солнце встает. На наш пригорок.

Яромира захлопала глазами, не разумея, шутит тот али всерьез говорит. Какое еще *«пойдем поглядим, как солнце встает»*? Не будет больше этого никогда. Ни восхода солнца, ни пригорка, на который они тайком пробирались, ничего не будет. Уедет она с чужим человеком в чужое княжество... Станет женой того, кого лишь два раза видела.

Яромире сделалось себя жаль, и она шумно втянула носом воздух. Было ей тяжело вот так сразу от всего отказаться, уехать из родимого терема на чужую сторону... Всё позабыть, всё бросить.

Вечеслав глядел на нее умоляюще сверху вниз, и княжну вдруг тронула его просьба, которую сперва она сочла величайшей глупостью. Ведь и впрямь принял ее вчерашние слова Вячко. Принял как должное. Не сказал ничего поперек. Он и сам ведал, что покусился на то, чем не мог обладать.

Яромира вздохнула. Сердце разрывалось на части. Одна, которой правил долг, требовала немедля прогнать наглого кмета и воротиться в горницу. Но вторая... вторая оплакивала незавидную девичью долю и жалела княжну, которая не могла собой распорядиться. И эта вторая одержала верх.

– А лошадь? – деловито осведомилась Яромира.

– Уж вывел да привязал на опушке. – Вячко просиял, и на одно краткое мгновение княжне показалось, что выглянуло солнце в безлунную ночь. – Мы спорю, Мирошка. Еще до восхода тебя в терем верну, – пообещал он, окрыленный, и Яромира закусил губу, чтобы не улыбнуться.

Но словам Вечеслава не суждено было сбыться. До восхода солнца он княжну в терем не вернет.

Оба – и Вячко, и Яромира – были так поглощены своими мыслями и переживаниями, что не заметили, как от терема отделилась черная тень, когда они ушли с подворья.

Приобретя очертания человека, тень беззвучно, слегка пошатываясь, направилась за ними. На поясе у тени висел в ножнах меч.

* * *

– А я не хотел верить! Мыслил, дядька напраслину на тебя возвел, княжна. На своей дочери оженить меня все чаял. Вот и наговорил на тебя!

Яромира не удержалась от позорного вскрика, когда на пригорке позади них с Вячко откуда ни возьмись появился княжич Воидраг. Он шел, шатаясь из стороны в сторону, и держал в руке обнаженный меч.

Вечеслав без малейшего промедления вырос между ним и княжной, готовый оборонять Яромиру голыми руками. Его меч вместе с добротной кольчугой и кинжалом остался лежать на лавке в отцовской избе.

Воидраг глядел на княжну лютыми хмельными глазами. Он спотыкался, словно слепой, и не владел ни телом, ни разумом.

– А ты... непотребная, гулящая девка! – Княжич откинул с лица темные волосы и стер со лба испарину.

Гнев и обида распирала его изнутри, жгли язык, готовые сорваться дюжиной оскорблений. Он до последнего отмахивался от дядьки. Тот все зудел и зудел, нашептывал, что, мол, разное говорили про княжну Яромиру, есть у нее тайный любовник и все знают, что нечестная⁹ она...

Воидраг крепился. Не слушал. Не дело достойному мужу внимать слухам да сплетням. И у дядьки его, злого на язык, свой интерес был. Но на пиру княжич выпил лишка, и в голову полезли дурные мысли. А коли правду баял его дядька? Коли и впрямь нечестная княжна Яромира?.. Дыма без огня не бывает, это всем известно. Стало быть, дала повод она о себе болтать. А нашто ему такая невеста потребна?.. Которая свою честь не блюла!

Чем больше размышлял об этом, тем пуще злился княжич Воидраг и одну за одной опрокидывал в себя чарки, а дядька-воевода знай подливал да подливал и науськивал молодого мужчину, который и без его слов ярился.

Злость и гнев его искали выхода, и потому подался Воидраг на подворье из душного терема. Хмельной мед уже поперек горла стоял. Голова кружилась, сам он шатался и с трудом держался на ногах. Хотел холодной водицей умыться, а вышло иначе. Подслушал он ненароком чужой разговор. Сперва помыслил, любовники шепчутся. А потом услышал голос Яромиры... клятой княжны! Чуть с места не сорвался и не вспорол подлецу кметю брюхо прямо возле стены. Но сдержал себя. Решил проследить за негодной девкой, своими глазами во всем удостовериться. А завтра – с отцом ее поговорить. От сватовства отказаться да по всем княжествам разнести весть, какой бессоромной волочайкой¹⁰ оказалась Ладожская княжна.

А когда увидел их обоих, стоящих у самого края обрыва, прямо напротив леса, над которым вот-вот должно было показаться солнце, так взыграло ретивое, что Воидраг обо всем позабыл. Мелькала у него перед глазами лишь наглая ухмылка любовника Яромиры. Ее-то и намерился навсегда стереть с его лица княжич, когда обнажил меч и двинулся вперед.

У Яромиры сердце ухнуло в пятки. Не в силах отвести взгляд, она смотрела, как к ним стремительно приближался разгневанный хмельной Воидраг. Она глазам своим не могла поверить. Дюжина мыслей роилась в голове: как она объяснится с батюшкой? Что теперь будет? А как же сватовство? Что скажут люди?.. Как ей за такой позор оправдаться?!

Дура, какая же она дура! Ведь не хотела сперва идти. Нашто не доверилась разуму, нашто послушала сердце? Нашто пришла сюда с Вечеславом, ведь была уже почти просватана!

А потом княжич бешено заревел, и все прочие волнения испарились, словно их и не было, Яромира взаправду испугалась за свою жизнь и за жизнь Вячко, на которого летел Воидраг с занесенным мечом.

– Беги! Беги, Яромира! – заорал Вечеслав, обшаривая взглядом землю. Хотел найти палку али корягу, чтобы было чем себя оборонять.

⁹ Не сохранила невинность для мужа.

¹⁰ Гулящая девка.

Яромира же словно вросла в землю. Не могла пошевелить ни ногой, ни рукой. Широко раскрытыми ясными глазами смотрела на двух мужчин, что вознамерились по ее вине глотки друг другу разорвать. Такой позор. Не отмыться от него вовек.

– Княжич, – позвала она дрогнувшим, чужим голосом. – Постой, погоди. Давай... давай поговорим.

Воидрагу ее голос был что подранку запах крови. Еще пуще разъярился, когда услышал, как Яромира заступалась за полюбовника. Заплясали у него перед глазами багряные круги.

Взревев, он набросился на Вечеслава, вцепился ему в рубаху, увлек за собой на землю, позабыв о мече, о том, что воин он, княжич. И негоже ему, словно простому мужику, кататься по зеленой траве да драться на кулаках.

– Уходи! – еще раз крикнул Вячко, прежде чем Воидраг сшиб его с ног.

Такой силы у него был разбег, что оба прокатились по земле до самого края обрыва и съехали вниз, так и не разжав хватки.

Яромира завизжала, бросившись следом, и сама едва не сорвалась.

Но кто-то поймал ее за косу, потянул на себя и попытался надеть на голову плотный холщовый мешок. Едва сумев опомниться, княжна впилась зубами в мужскую мозолистую ладонь, которая зажимала ей рот. Грубый голос над ее головой выругался, и через мгновение тяжелый кулак ударил ее по затылку. И больше княжна уже ничего не видела.

Кметь с косой

Много нерадостных, смурных дней повидала в своей жизни воительница Чеслава. Она теряла тех, кто был ей дорог, бывала в жестоких битвах, что длились днями, получала ранения, терпела боль, которую не каждый муж мог вытерпеть. Она дрожала от холода и страха. Она не смела поднять взгляд от стыда.

Много всякого случалось. Но такого лютого дня, как тот, когда пропала княжна Яромира, Чеслава еще никогда не видала. Даже когда выкололи ей глаз, и то было не столь худо.

С раннего утра, когда еще весь терем спал крепким, хмельным сном и о пропаже княжны ведало лишь несколько человек, князь отправил ее в погоню. Вихрем Чеслава пронеслась по дороге и в каждом поселении, которое попадалось на пути, спрашивала, не видал ли кто татей. Мол, украли из ладожского терема золото-серебро, вот и ищет она вора. Не скажешь же правду, что княжна пропала! Но в каждой избе ей неизменно отвечали, что не проезжал никто.

Объехав ближайшие поселения, Чеслава решила, что пора возвращаться. Коли не получилось сразу поймать, нужно в погоню отправлять большой отряд. Искать и в лесу, и в поле, и на реке, и в дремучей чаще, и по избам пройтись с дружиной – мало ли где схоронились беглецы.

Принять то, что Яромира решилась на побег, Чеслава никак не могла. Княжна казалась ей такой разумной, такой честной. Как же она осмелилась обмануть отца, матушку? Опозорить княжество?.. Оставить родных, привычную жизнь и сбежать?! Да еще с кем?! С мальчишкой-сопляком!

Вестимо, перед сватовством Яромира тревожилась. Предстояло ей уехать с чужим человеком в чужое княжество. Но Чеслава, хоть мужа себе так и не взяла, слепой, бесчувственной дурой не была! Всяко могла отличить, когда девка томилась от любви неразделенной али волновалась перед вступлением в новую жизнь. Потому и дивилась нынче. С чего княжне сбежать, коли не кружилась у нее от любви голова?..

Встряхнувшись, воительница поправила повязку, что закрывала выколотый глаз, и вздохнула. Она поглядела вдаль: за крутым холмом виднелся ладожский терем. Сердце зануло от тревоги и тоски, в животе все скрутилось в томительном ожидании.

Ее внимание привлекли шелест в кустах и какой-то писк. Чеслава насторожилась и потянулась рукой к мечу, придержав коня. Тихо соскользнула на землю, приземлившись в пыль добротными кожаными сапогами, и двинулась вперед, в густую траву высотой в человеческий рост.

Свирепо прорубив мечом тропинку, Чеслава обмерла, когда вышла к опушке леса. В нескольких шагах от нее стоял, шатаясь и держась за окровавленный бок, Вечеслав! Тот, с кем сбежала княжна Яромира!

Сперва воительница помыслила, что боги разгневались на нее и наслали морок. Она моргнула, осенила себя знаменем Перуна, нашарила под рубахой железный амулет и сжала его. Но когда открыла глаз, Вячко никуда не исчез. Он увидел воительницу и рванул к ней из последних сил. Чеслава мыслила, что негодный выродок попытается удрать.

Но нет. Он дохромал до нее и вцепился окровавленными ладонями в плечи, не то пытаюсь устоять на ногах, не то в отчаянном, умоляющем жесте.

– Как княжна? – спросил, облизав сухие, потрескавшиеся губы.

Чеслава от злости лишилась дара речи. Даже руку занесла, чтобы оттолкнуть бесстыжего наглеца, но потом взгляделась в лицо Вечеслава и нахмурилась. Кметь выглядел так, словно сперва кто-то хорошенько избил его, а затем бросил без сознания валяться на берегу реки, где он и провел все это время. Губы, нос, скулы были разбиты. Под глазом налился краснотой

синяк. Рубаха разорвана, испачкана в земле и траве. На боку кровавый потек, на рукавах – багряные пятна.

– Так ты же с ней сбежал! – Чеслава свирепо оскалилась.

Вячко медленно моргнул. На ногах он стоял нетвердо и соображал небыстро.

– Как сбежал?.. – прошептал он и, обливав разбитые, окровавленные губы, поморщился. – Меня княжич... Воидраг избил... я очнулся недавно...

– В бок тоже он? – спросила воительница.

Вечеслав опустил голову. Приложил раскрытую ладонь к темно-алому пятну на рубахе и зашипел от боли. Про рану он успел позабыть.

– Так, – отрезала Чеслава и схватила его под локоть, – идем к князю, все ему расскажешь. Пусть Ярослав Мстиславич рассудит.

Вячко кивнул и сперва послушно пошел за ней, но остановился, когда вышли на дорогу, и потянул воительницу за рукав.

– Погоди... погоди, Чеслава. – Он затряс головой, пытаясь поймать разбежавшиеся мысли. – Ты сказала... мол, я с Яромирой сбежал? Это как же?.. Она в терем не вернулась?.. А княжич Воидраг?

– Ничего не ведаю я про княжича! – сердито отозвалась воительница, которая все меньше и меньше понимала странные бормотания кметя.

И ей это не нравилось. Одно дело – Вечеслав сбежал с княжной. А совсем другое – коли в этом как-то замешан чужой княжич Воидраг.

– Давай подсажу, сам не заберешься. – Она подтолкнула Вячко в спину и подвела к нему лошадь, придержав норовистую кобылу за поводья. – Ох и натворил ты дел. Кабы князь тебе голову не срубил...

– Пуцай рубит... – пробормотал кметь и утер сочившуюся из разбитого носа кровь. – Сам себе отрублю... коли с Яромиркой что стряслось... из-за меня.

Чеслава покачала головой и забралась в седло позади Вечеслава. Следовало поскорее вернуться в ладожский терем, чтобы он мог толком рассказать князю, что приключилось да при чем тут княжич Воидраг.

Ярослава Мстиславича они встретили на подворье, на котором стояла страшная суета. Еще у ворот Чеслава услышала толки стражников: Воидрага в горнице поутру не оказалось, и пришел уже черед его дядьки, воеводы Видогоста, поднимать на уши весь терем.

Когда они миновали ворота и их заметили, то стало вокруг значительно тише. Даже воительница неуютно заерзала: столь пристальное внимание ей не пришлось по душе. Вячко же, втянув голову в плечи, озирался по сторонам, словно загнанный зверь.

На душе у Чеславы было муторно и тягостно. Силилась она прогнать, а все же накатывала на нее жалость к парнишке. Не казался он ей виноватым.

Меж тем к ним от терема спешил князь, которому донесли о возвращении воительницы. Позади Ярослава держался воевода Будимир, постаревший на дюжину лет за одно короткое утро. Со стороны конюшни в окружении своих людей шагал разъяренный воевода Видогост.

– Ты! – Высокий, крепко сложенный, он подоспел первым и вцепился в плечи соскочившего на землю Вячко, затряс его, словно тряпичную куклу. – Что сотворил ты?! Ну, признавайся!

Чеслава сунулась, чтобы встать между ними, но Ярослав ее опередил.

– Оставь моего человека, воевода, – тяжело сказал он, не глядя на Вечеслава.

Видогост вспыхнул словно лучина и, разъяренный, лицом к лицу столкнулся с Ладожским князем.

– Твой человек, Ярослав Мстиславич, – прошипел, сузив глаза, – умыкнул княжну и сотворил что-то с княжичем! Его батька с меня шкуру спустит! А ты... вели немедля его каленым железом жечь, пусть признается, выbleддок, что сотворил!

– Ах ты сучий потрох! – Воевода Будимир нежданно-негаданно выскочил из-за спин обоих мужчин и ударом кулака свалил сына на землю.

Упав, Вячко поднял в воздух облако серой пыли. Его отец замахнулся второй раз, но Ярослав рывкнул во всю мощь глотки:

– Не смей!

Даже Чеславу пробрало до самого нутра. Будимир же опустил занесенную руку, тяжело, трудно дыша.

Вечеслав не спешил подниматься. Он лежал на спине и переживал, пока мир перестанет вращаться перед глазами. Князь Ярослав, разглядывая его, делался все мрачнее и мрачнее. Он приметил, вестимо, и разорванную рубаху, и следы недавней драки, и пятна крови. Князь сделал глубокий вдох и спросил:

– Где Яромира?

Вечеслав поднял избитое лицо, на котором не осталось живого места:

– Не ведаю, господине.

Чеслава вздохнула и, шагнув вперед, сграбастала его за плечо и поставила на ноги. Вот уж заступаться она не намеревалась, но сердце не выдержало.

– Я его в зарослях нашла, ближе к берегу. Сказал, княжич Воидраг его избил.

Лицо Ярослава не разгладилось, не прояснилось. По-прежнему дергалась на виске жилка, по-прежнему он до судороги сжимал челюсти. Но, совладав с собой, кивнул в сторону терема:

– В клеть идем. Там поговорим.

Он хотел уйти с чужих глаз, ведь на них и так уже все подворье оборачивалось.

Когда они проходили мимо крыльца, с громким стуком распахнулась дверь, и из терема вылетела взволнованная Звенислава Вышатовна. Увидев Вячко, она приложила к груди руки и кинулась к ним. Но к князю не подошла, а вцепилась ладонями в локоть Чеславы:

– Где она?! Нашли Яромиру?!

Воительница с сожалением покачала головой. Верно, княгине сказали, что вернулся Вечеслав, вот она и помыслила, что дочка тоже с ним. Звенислава горестно вздохнула и обняла себя за плечи, отстранившись от Чеславы. Потом сгорбилась и шагнула к крыльцу, и у воительницы второй раз защемило сердце. Проводив ее взглядом, она опомнилась и поспешила в тесную клеть, куда набились уже и князь, и воеводы Будимир и Видогост, и Вечеслав, который на ногах держался лишь потому, что опирался плечом о стену.

– За нами пошел... на меня накинулся, с обрыва слетели... – Кое-как шевеля губами, Вячко рассказывал о том, что приключилось ночью. – Мечом вот достал... утром очнулся уже... Чеславу услышал.

Воительница остановилась в дверях и прислонилась плечом к срубам, скрестив на груди руки. По всему выходило, бежать из терема ни княжна, ни Вечеслав не намеревались. Но что же стряслось тогда? Где Яромира? Куда княжич подевался?..

– Не верю! Все это поклеп! Лжу щенка на родича моего возводит! – Воевода Видогост, который делался все злее и злее, под конец не выдержал и вспыхнул словно сухое полено.

– А где твой родич, воевода? – Ярослав мазнул по нему хмурым взглядом и растер ладонью лицо.

Чеслава покачала головой. Вот бы знать, нашто Яромира на холм тот забралась... да еще посреди ночи, вместе с чужим мужчиной! Когда сама была почти просватана. Ох, княжна-княжна.

Воеводе Видогосту, вестимо, те же мысли лезли в голову, потому что он выплюнул:

– А коли даже и правда... Вот и добро, что все так вышло! Хотел ты нам князь подсунуть бессоромную невесту.

Чеслава, которая не боялась ничего и никогда, зажмурилась и отпрянула, испугавшись гнева Ярослава Мстиславича. Она услышала лишь его тяжелое, рваное дыхание. А после он проскрежетал нечеловеческим, неузнаваемым голосом:

– Прикуси язык, воевода, коли чаешь его сохранить.

У бесстрашной воительницы по хребту пробежал холодок. Видогост же, крякнув, замолчал. Насупился, нахмурился, губы поджал. Но больше ни слова худого про Яромиру не сказал.

Князь повернулся к Чеславе:

– Разыщи Стемида, он с девками теремными беседы ведет. Возьмите... *этого*, – коротко кивнул на бледного Вячко и скривился, – и ступайте на место, какое он укажет. Надобно там поискать. И княжича, и дочь.

Не став ждать ответа, он развернулся и тяжелой поступью зашагал прочь. Вечеслав не выдержал. Проскользнул мимо отца, который пытался его удержать, и рванул за князем.

– Господине! – позвал с отчаянной обреченностью, окончательно уразумев, что натворил.

Ярослав остановился, глянул на него через плечо:

– Уйди. Убью.

Похитители

– Сиди тихо, княжна.

Яромира глянула на мужика, который возвышался над нею, уперев руки в толстые бока. Его слова прозвучали настоящей насмешкой, ведь ей засунули в рот вонючую тряпку. Разве ж могла она сидеть *не* тихо?!

Сердито сопя, Яромира отвернулась от мужика и огляделась. Со связанными за спиной руками она сидела на холодной земле, лишь слегка прикрытой слежавшимся вонючим сеном. По бокам она видела стены, криво да косо сложенные из подгнивших бревен. Потолок в землянке был низким, и окружавшие ее мужчины – их было трое – пригибали головы. Единственным источником света служило небольшое оконце, прорубленное в покатой крыше. Оно было закрыто бычьим пузырем и едва пропускало в холодную, стылую землянку солнечные лучи. Но Яромире все же удалось определить, что снаружи было не то утро, не то полдень.

Взмокшая, выбившаяся из косы прядь лежала у нее на лице и щекотала щеку. Яромира потрясла головой, попытавшись ее стряхнуть, но не вышло. Заметив это, один из мужиков шагнул к ней, но она отползла от него словно ящерица и забилась в самый дальний угол.

Тот, который предупредил ее сидеть тихо, вмешался и велел напарнику:

– Оставь, Щука. Еще зашибет себя ненароком.

Щука крикнул, хмыкнул, но послушно сел. В отличие от княжны, опустил он на худо сколоченную, но все же лавку.

Яромира поморщилась. Когда она резко дернулась, чтобы отползти, нестерпимо заболел затылок.

«Меня ударили, – вспомнила княжна. – Я рванула следом за Вячко и княжичем, а меня ударили».

Прищурившись, она внимательнее взгляделась в лица мужиков, с которыми делила вонючую землянку. На воинов не был похож ни один: они носили обычные портки да рубахи, кожаных поясов на них также не было, а из оружия она заметила лишь ножи, что валялись на грязной столешнице.

Щука был бородат, его лицо покрывали рытвины и впадины, как после болезни. Несмотря на уродство, он казался самым молодым. Двое других с грязно-русыми сальными волосами по летам были ближе к ее отцу.

«Они знают, что я княжна. – Яромира закусила губу. – И не хотят причинить мне вред. Но что им тогда надо?!»

Она заерзала, пытаясь поудобнее устроиться, и пошевелила связанными за спиной руками. Она едва чувствовала запястья. То ли слишком туго затянули веревки, то ли узел получился косым.

Яромира впилась пристальным, пронзительным взглядом в самого старшего мужика, который с ней говорил. Он всем распоряжался, и его слушались, значит, был главарем. От такого внимания княжны тот завозился на лавке, принялся неловко разглядывать руки. Не выдержав, в конце концов отвернулся, но Яромира не отворачивалась и продолжала буравить теперь его спину.

– Да что ж ты за заноза такая! – в сердцах воскликнул он, но все-таки подошел к ней и опустил рядом на колени.

От мужика пахло чем-то кислым, и Яромира едва не поморщилась. Глазами она указала на повязку, стягивавшую рот, но похититель засомневался.

– Палец мне, поди, откусишь, – сказал так, словно это он сидел перед княжной связанный и недвижимый.

Яромира свирепо помотала головой и поморгала, чтобы глаза влажно заблестели. Она не разумела толком, что случилось да как она тут оказалась, но одно поняла: мужики не собирались делать ей ничего плохого.

– Ладно. – Он вздохнул и нехотя потянулся к ее повязке, и Яромира от нетерпения замерла. – Но не вздумай кричать, а то... заколю.

Первый глоток воздуха ртом показался ей упоительным, несмотря на сырость, затхлость и гнилостный запах, которым была пропитана землянка. Она облизнула сухие губы и спросила хриплым от длительного молчания голосом:

– Кто вы такие?

– Не твоего умишка печаль! – Рябой Щука подал голос с лавки и гоготнул. – Сиди да помалкивай.

Яромира, страстно желая огрызнуться, себя все же сдержала. Не хотела вновь сидеть с вонючей тряпкой во рту.

– Все ладно будет, – вдруг заговорил с ней мужик, который снял повязку. – Посидишь тихонечко и к батьке вернешься.

– Ведаешь, кто мой отец?

– Да кто же про славного князя Ярослава не ведает. – Тот развел руками. – Все, молчок.

Мужик вернулся на лавку, вновь усевшись к ней спиной. Яромира прислонилась затылком к холодной стене и запрокинула голову, вглядываясь в грязный потолок.

Ее ударили по голове и бросили в землянку, но намеревались вскоре вернуть отцу?.. Зачем же тогда ее похитили?.. И кто?.. А эти мужики?.. Совсем они за себя не страшились? Ведали ведь, чья она дочь. Неужто думали, отец их пощадит, коли вернут княжну, которую сами же и украли?..

Это если отец будет тебя искать. После всего, что ты натворила, – зашептал мерзкий внутренний голосок. И он был прав.

Она очень виновата перед отцом. Княжна даже зажмурилась, все хорошенько припомнив. Как согласилась пойти с Вячко туда, куда не следовало. И как княжич Воидраг возник за их спинами на том клятом пригорке. И как сцепились они с Вечеславом, покатались по земле и упали с холма.

Оскорбления, которыми осыпал ее уязвленный княжич, жгли сердце даже теперь. И ни одно сказанное им слово не было правдой. Но как все выглядело в его глазах? Очень, очень скверно.

Отцу был нужен союз с тем княжеством, он говорил об этом с ней не единожды, всегда честно и правдиво. А она за его спиной такое сотворила! Верно, сватовство теперь не состоится. И союз не заключат. И все потому, что она – глупая девка! – натворила.

Яромира сердито застонала, мотнула головой и тотчас пожалела об этом: вновь заболел затылок. Ее сильно ударили... Диво. Никак не вязалась та жестокость с отношением к ней этих мужиков. Верно, ударил ее кто-то другой. Тот, кто по-настоящему ее ненавидел. Но кто?..

Маяться бездельем в ожидании – самое тягостное из дел. Время тянулось ужасно медленно, и Яромире казалось, что вечер не наступит никогда. Раз за разом она вглядывалась в небольшое оконце на крыше, но снаружи по-прежнему светило солнце, которое словно и не намеревалось клониться к горизонту. По разговорам княжна поняла, что стерегущие ее мужики ждали вечера: кто-то должен прийти.

Наверное, тогда-то она и увидит своего настоящего похитителя. Человека, который ударил ее и уволок подальше от пригорка. Он обещал щедро наградить мужиков – те придумывали, на что спустят полученное золото.

Чем дольше Яромира вслушивалась в их болтовню, тем беспокойнее ей делалось. Разве ж может человек, вздумавший похитить Ладожскую княжну, оказаться столь беспечным? Как

он отпустит трех болтливых видоков?¹¹ Которые еще и разумом обделены, коли судить по их речам. Они разболтают все в первой же харчевне, в которую сунутся, чтобы потратить награду. Она *уже* жгла им мошны.

– Вас убьют. – Яромира попыталась заговорить с ними, вразумить. – Кто велел меня охранять? Вы видели его лицо? Он не оставит вас в живых.

Шептала она горько и отчаянно, видя, что разумные слова пропадали втуне. Падали в бездонную пропасть и оседали там мелкой пылью. Ни у кого из троих не блеснуло во взгляде осознание. Никто не прислушался к ней, не начал кивать в такт ее речам. Под конец она так им надоела, что Щука сорвался с лавки и грубо запихал ей обратно в рот вонючую тряпку, и больше говорить ей уже не позволили.

Впервые за все время у Яромиры к глазам подступили слезы, но она прогнала их, сердито моргая. Вот еще. Ладожские княжны не ревут перед лапотниками!

Она отчаянно злилась, но не могла даже кулаки сжать: уже не чувствовала связанных за спиной рук. Толстую веревку перетереть у нее не получилось. Пол был земляной, а стена, на которую она опиралась, сколочена из грубых досок. Она не нашла острого края али выступа, за который смогла бы зацепиться.

Бессилие и отчаяние накатывали на Яромиру волнами. Отцовский терем вспоминался с лютой тоской. Ласковые руки матушки. Воительница Чеслава, которая всегда за нее заступалась. Гридни и кмети, готовые защитить. Они сворачивали головы вслед красивой княжне, но, страшась гнева Ярослава Мстиславича, не смели с ней заговаривать. Все, кроме одного. Вечеслав не боялся ни своего отца, ни ее.

Яромире все это казалось веселой забавой. Она была любима и обласкана и почти ни в чем не знала отказа. Легко быть дерзкой и своенравной, когда за твоей спиной стоят грозный батюшка и вся его рать.

Нынче она даже тряпку грязную из своего рта достать не могла. И, как бы ни хорохорилась, уговорить мужиков ее отпустить тоже не вышло. От нее отмахнулись, словно от назойливой мошки. Не стали даже слушать.

Верно, ее искали. Как бы зол ни был отец, он не бросил бы дочь в беде. Ее пропажу давно заметили и отправили людей на поиски. А еще ведь был Вячко, который знал правду о случившемся. И княжич Воидраг. Какой же переполох она устроила в тереме...

Яромира зажмурилась и резко втянула носом воздух. Из-за ее глупости достанется Вечеславу. Отец в гневе был страшен.

Никогда прежде его гнев не был обращен на Яромиру, всегда слывшую разумной, *тихой*, послушной. В тихой воде омуты глубоки.

Яромира жалела, что не могла прикоснуться к луннице, которую носила на потрепанном шнурке под рубахой. Та всегда придавала ей сил и вселяла уверенность. Нынче же ей оставалось лишь возносить беззвучные молитвы Макоше. И надеяться, что не бросит великая Богиня неразумную девку в беде.

С наступлением вечера трое мужчин стали все чаще посматривать на дверь и обмениваться неясными взглядами. Они ждали и тревожились. Стучали по столу руками, нарезали круги по крошечной землянке, согнувшись в три погибели. Даже дыхание у них стало иным. Громким, шумным, нетерпеливым.

Солнце давно пропало из оконца, и в землянке запалили лучины, а тот, кто должен был прийти, все не шел.

Яромира пожалела, что так много болтала прежде. Нынче ей бы пригодилось отсутствие кляпа. Может, получилось бы с мужиками сторговаться? Раз им за княжну никто не заплатит, так почему бы не отпустить ее?.. А уж она не поскупилась бы на благодарность...

¹¹ Свидетель.

Мужики сердились. Пуще всех злился Щука. Он то и дело подскакивал с лавки и принимался измерять шагами землянку, мельтеша перед глазами. От его резких движений Яромира невольно вздрагивала и ежилась. Она храбрилась, чтобы не отчаиваться, но все же была бессильной и безоружной девкой в тесном окружении трех здоровенных мужиков. Еще и руки связаны, и рот заткнут. Они могли совершить с ней все что угодно, и никто бы не помог.

От этой мысли внутри разливался могильный холод, и Яромира буквально цепенела от страха.

– Сядь, Щука! Не мельтеши! – прикрикнул тот, кого княжна считала главарем.

Щука же не послушался.

– Где он?! – взвизгнул тонким противным голосом и указал грязной пятерней на дверь. – Где он, Рысь?! Скока еще потребно ждать нам?! Пока эту, – злой взгляд на Яромиру, – батька не сыщет.

Главарь по прозвищу Рысь сердито крякнул, уперся ладонями в бедра и покачал головой:

– Закрой свой рот поганый! Велено тебе сидеть да молчать – сиди и молчи!

Наблюдая за их перепалкой, Яромира еще сильнее вжалась в стену. Утром, когда только очнулась, она не успела всерьез испугаться. Но нынче княжне стало по-настоящему страшно. Никогда прежде она так не боялась.

Снаружи послышался приглушенный шум, и Рысь, Щука и третий мужик насторожились. Яромира вскинула голову и впилась жадным взглядом в дверь. Шум все приближался и приближался, но, как княжна ни храбрилась, она не была готова к тому, что случилось, когда со скрипом открылась старая, дряхлая дверь.

Она не была готова увидеть на пороге *его*.

Конунг Харальд

Несколько седмиц назад

Огромное, бескрайнее море раскинулось так далеко, как хватало взора.

Еще будучи безусым мальчишкой, он все хотел вызнать, что лежит дальше, за линией горизонта. Где конец у огромных серых волн, таких же мрачных, как небо над северной страной. За любопытство ему каждый раз попадало от отца: Харальду, которого тогда еще не прозвали Суровым, надлежало стать вождем и думать совсем об иных вещах. Как одолеть врага, как не запятнать свою честь, как построить драккар и наградить за службу хирд.

Мечтания о дальних странствиях и берегах, по словам отца, следовало оставить больным и хилым. Им, ни на что негодным, самое то было пускать слюни на горизонт да глядеть вперед, глупо хлопая пустыми глазами.

Харальд Суровый повзрослел и думать о том, что лежало вдаль, за кромкой моря, почти перестал. Но порой, как сейчас, когда стоял он на вершине скалы да любовался раскинувшейся перед ним темной, неистойвой гладью с пенными хребтами, детские мысли возвращались. Быть может, однажды родится муж, который доплывет до самого края. Но это будет не он.

Он узнал шаги человека, который поднимался по крутому склону, и даже не повернулся к нему.

– Харальд, – его племянник Ивар, сын старшей сестры, остановился в нескольких шагах позади, не решившись подойти к конунгу вплотную, – прибыли посланники от Рёрика¹². Ждут тебя.

Мужчина мотнул головой, что могло сойти за кивок. Его люди разбили внизу под скалой лагерь. Он видел, как в соседнюю гавань зашел еще один драккар – со знакомыми парусами и щитами, вывернутыми белой стороной: символ мира. Он узнал знамена Рёрика, когда корабль показался вдалеке.

Харальд заскрипел зубами. Он мыслил, они все обговорили на тинге¹³. Но нет. Рёрику было мало.

Развернувшись, он мазнул неприветливым взглядом по Ивару. Тот едва скрывал жадное предвкушение. Уже готов был сорваться с места, вздеть на драккар щиты и отправиться крушить все, что попадется по пути.

Харальд поправил теплый, подбитый мехом плащ и зашагал вниз с высокой скалы. Ивар – молодой, сопливый щенок – последовал за ним едва ли не вприпрыжку. Почему-то мальчишка думал, что Харальд изменит решение, которое провозгласил на тинге. Ведь Рёрик отправил людей, чтобы попросить его во *второй* раз, а такого прежде никогда не случалось. Но Харальд свое слово уже сказал и отступаться от него не намеревался. *В Хольмград¹⁴ битвь русов он не поидет*. И хирд свой уведет как можно дальше от Гардарики.

Когда Харальд спустился на берег, его люди уже установили навесы и запалили небольшой костер. Навстречу ему шагнул кормщик и правая рука – Олаф, ходивший на корабле еще с его отцом. Когда Харальд разругался с отцом и покинул родной берег, немногословный кормщик ушел вместе с ним.

– Прислал брата, – сказал Олаф и сплюнул в сторону. К Рёрику он особой приязни не питал.

¹² Рюрик.

¹³ Древнескандинавское народное собрание (аналог веча).

¹⁴ Древнерусский город из скандинавской литературы, традиционно ассоциируемый с Новгородом.

Конунг кивнул и зашагал дальше. Ивар следовал за ним по пятам, настолько восторженный, что у Харальда чесались кулаки задать ему хорошую трепку.

– Будь здоров, конунг Харальд Суровый. – Трувор, младший брат Рёрика, заговорил первым, и это было верно.

Он пришел к Харальду, а не наоборот. Его сопровождал небольшой отряд: дюжина воинов выстроилась за спиной.

– И ты будь здоров, Трувор, – кое-как вытолкнул из себя конунг.

Налетевший ветер подхватил его незаплетенные волосы цвета молодого меда. Когда норманн спускался с корабля и ступал на берег, он распускал прическу, которую носил на драккаре и во время кровопролитных сражений.

За правым плечом Харальда выросла суровая фигура Олафа. Скрестив руки на груди, кормщик смотрел на Трувора словно на коровью лепешку. Смутьянов он терпеть не мог.

– Брат послал меня спросить: стоишь ли ты на том, что сказал на тинге? Отчего не желаешь присоединиться к Рёрику и пойти бить русов? Хольмград уже у нас в руках. – И Трувор, потрогав длинные, наполовину седые усы, резким жестом схватил кулаком воздух.

Его люди согласно загудели. Харальд же не повел и бровью. Ветер трепал полы его выцветшего от времени и задубевшего от соли плаща. меховая опушка лежала на широких, мощных плечах. Шнурок, на котором висел оберег Одина, выглядывал из раскрытого ворота теплой шерстяной рубахи.

– Нет, – только и сказал он. – В Гардарики я не пойду.

У него за спиной разочарованно и раздраженно зашипел сопляк Ивар, и конунг нахмурился.

– Но почему?! – Трувор сжал кулаки и шагнул вперед.

В голове у него не укладывалось, как мог Харальд дважды отвергнуть столь щедрое, милостивое предложение Рёрика. Дважды! Они следовали за ним от самого тинга, убили на это добрых десять дней, напрасно мороза задницы, пока сам Рёрик и Синеус правили к берегу Хольмграда. И ради чего?! Снова услышать «нет»?!

– Все знают, что ты водишь дружбу с Ярислейвом, – с отвращением выплюнул Трувор. – И ты выбираешь его, а не свою кровь?!

– С Рёриком я не связан кровью, – скривился Харальд.

«И слава Одину», – подумал он, и среди его людей, прислушивавшихся к разговору, раздалась смешки. Видно, такая мысль пришла в голову не ему одному.

– И я волен выбирать, что мне вздумается. Уже почти четырнадцать лет как.

Ему было тринадцать, когда он ушел из дома отца. С тех пор никто не приказывал ему, куда идти, что делать, кого слушать. И он никому не подчинялся, кроме тех, кого выбирал сам.

Трувор клацнул зубами, но смолчал. Харальд был конунгом со своим хирдом, а он – правой рукой брата.

– Ты ошибаешься, Харальд Суровый. – Он покачал головой, и седые кончики его длинных усов затряслись. – Ты выбираешь не ту сторону.

– Я ничего не выбираю. Я не стану сражаться ни рядом с Рёриком, ни рядом с Ярислейвом.

Но он ошибался. Тогда Харальд Суровый этого еще не знал, но он ошибался.

Трувор и его люди вскоре ушли ни с чем. Конунг, вернувшись на край скалы, проводил их пристальным взглядом. Даже ночевать не стали на берегу. Сразу же снялись с места, как добрались до драккара. Видно, спешили убраться поскорее, так сильно не хотелось делить гавань с непокорным Харальдом.

Кормщик Олаф пришел к нему спустя время, когда серая хмарь разлилась по небу и вдали уже нельзя было отличить его от такого же темного, мрачного моря. Олаф принес бурдюк

с теплым хмельным напитком: алое, как кровь, южное вино, уваренное с клюквой, брусникой, болотным миртом и можжевельником. Последний налет оказался богат на добычу.

Харальд взял бурдюк, сделал большой глоток и довольно прищурился: вкусно. По жилам тотчас разлилось тепло, и тело, задубевшее под порывами ветра, согрелось.

– Не передумал? – Олаф на свой лад истолковал взгляд Харальда, направленный вслед ушедшему драккару Трувора.

Конунг свирепо мотнул головой:

– Рёрик никогда не бывал в Гардарики. А я бывал. Он мыслит, что испугает тамошних конунгов? Он глупец. – Харальд рассмеялся.

Он повернулся к Олафу, и вдвоем они начали спускаться на берег. Склон, по которому они шли, казался совсем безжизненным: ни деревцев, ни даже невысоких кустов. Лишь мох упруго пружинил под их сапогами.

– Я видел Длинный дом¹⁵ Ярислейва в Альдейгьюборге¹⁶ и посчитал, сколько у него щитов. Коли захотят, русы соберут такую рать, которую Рёрику не под силу будет одолеть.

– Не всем по нраву твоя дружба с русом, – пробурчал Олаф. – И в том числе твоему хирду!

– Они вольны уйти, коли хотят. – Конунг спокойно пожал плечами.

Вожди никого не держали насильно. Когда хирдман¹⁷ разочаровывался в нем, он мог покинуть его и найти для своего меча нового, более удачливого.

– И конунг Ярислейв мне не друг, – добавил Харальд, когда они ступили на песчано-каменистый берег. – Но между ним и Рёриком я выберу первого. Скажи мне, Олаф, что станет делать Рёрик, если удастся ему подмять под себя русов? Какое место в его новом хирде займут те, кого сейчас называют конунгами? Те, кто отправился с ним в Гардарики?

Кормщик сердито потянул длинную полуседую бороду. Не понять, куда клонил Харальд, было сложно. В случае успеха Рёрик не захочет делиться ни добычей, ни властью. И найдет способ избавиться от тех, на чьи мечи опирался. Он не станет попусту растрачивать награбленное.

В том, как размышлял Харальд, была своя правда, но не все могли увидеть ее. Жажда серебра порой ослепляла и затмевала разум.

– Я никому не кланялся уже столько лет. Мне не нужен сапог Рёрика над головой, – сердито и раздраженно закончил Харальд, прежде чем они подошли к лагерю.

Первым, что встретил конунг, был обиженный, недоуменный взгляд Ивара. Племянник, которому едва минуло шестнадцать лет, грезил о звонких, славных ратях; о песнях, которые сложат в честь его подвигов. Он хотел славы и мыслил, что поход вместе с Рёриком на Гардарики мог эту славу ему принести.

Харальд усмехнулся и прошел мимо, подобрав полы плаща. Еще станет он считаться с тем, что думают всякие сопляки! Он сел напротив костра и взял протянутую кем-то плоску с горячей, наваристой похлебкой.

– Трувор убежал, поджав хвост, – затихший с его появлением разговор вспыхнул с новой силой.

– Братец по голове не погладит.

– Гардарики – богатая земля. Много славной наживы там можно взять. – Правая рука кормщика Олафа, мужчина по имени Эйрик, встретил прямой взгляд Харальда. – И добираться до нее всяко ближе, чем до франков.

– Ступай же. – Конунг равнодушно мотнул головой в сторону моря, где давно уже скрылся с глаз драккар Трувора. – И бери добычу с Рёриком.

¹⁵ Терем.

¹⁶ Скандинавское название Ладоги.

¹⁷ Воин, входящий в хирд.

Воины засмеялись, а на лице Эйрика промелькнула досада, и он замолчал и за весь вечер больше не сказал ни слова.

– Я никого не держу на своем драккаре. – Харальд повысил голос, чтобы его услышал каждый. – Мы отправимся грабить теплые южные земли франков. Кто желает себе другого – волен уйти.

Его слова вызвали нестройный, сдержанный ропот. И лишь племянник Ивар продолжал прожигать его пламенным несогласным взглядом.

– Мы выбрали тебя, Харальд конунг, – наконец сразу за всех заговорил Олаф. – И мы пойдем за тобой.

Когда воины улеглись на ночь под навесами, укрывшись плащами и положив под головы седельные сумки, Харальд единственный остался подле медленно догоравшего костра. Ему не спалось, и он начертал прямо на песке карту, как ее помнил. Чтобы добраться до земель франков, ему придется отправиться тем же путем, на который встал драккар Трувора. Они будут следовать за ним довольно долго и возьмут в сторону лишь у земель русов.

Харальду это не нравилось, и он злился, но ничего поделать не мог. Холодное Северное море не было благосклонно к тем, кто пытался сходить с начертанных путей. Драккар мог угодить в водоворот, столкнуться с огромной ледяной глыбой, и тогда не видать ни ему, ни его хирду встречи с Одином в Вальхалле. Скрепя сердце конунг кивнул своим мыслям. Что же, значит, так тому и быть. Утром с рассветом они выйдут в море и отправятся за Трувором.

Если бы Харальд тогда знал, куда заведет его выбранный путь, быть может, он решил бы, что встреча с огромной ледяной глыбой не так уж плоха.

Предатель в тереме

Яромира не нашлась. Зато сыскался княжич Воидраг.

Его, пьяного настолько, что лыка не вязал, привели в терем Чеслава и Стемид. А нашли недалеко от места, на которое указал Вячко, где случилась промеж ними драка. Рядом с вусмерть упившимся Воидрагом валялся пустой бурдюк. Стемид и Чеслава решили, что княжич отправился заливать горе после того, как до полусмерти избил безоружного кметя.

Воительница свои мысли при себе держала, но не могла не думать, что сама Макошь отвела Яромиру от гнилого жениха. Жаль, что таким лютым способом...

Они вернулись в терем глухим вечером, когда уже стемнело и на небе показалась луна. Среди пламени факелов и кметей, что стояли стражей на стене и подле ворот, ярко выделялось лишь одно светлое пятно: князь Ярослав дожидался их, забравшись на частокол. Он ушел, когда разглядел в фигуре, распластавшейся на коне, княжича Воидрага.

Чеслава вздохнула и отвела хмурый взгляд. Теперь вся надежда была на десятника Горазда, который по приказу князя отправился с отрядом по всем близлежащим деревням да поселениям.

– Доволен, щенок? – Стемид обернулся на Вечеслава.

Тот плелся позади них: пока искали княжича, воительница подсобила ему умыться да перевязала наконец рану на боку, но выглядел кметь скверно. А как стало ясно, что с княжной взаправду беда приключилась, то с его лица последняя краска сошла. Остались лишь синяки да ссадины.

– Оставь его. – Чеслава посмотрела на Стемида.

Хотя и воевода он, а не побоялась указать. Мужчина скривился и дернул себя за рыжий чуб.

– Кого ты защищаешь? – с осуждением покачал головой. – Али забыла, что он натворил?

– А тебе легче станет, коли он на собственный нож упадет? – неласково огрызнулась воительница. – Что сделано, того не воротишь. Об остальном не нам судить... Ему перед князем ответ держать. Да перед самим собой.

Стемид после ее слов малость поостыл, но на Вечеслава косился все с тем же недовольством.

Он весь день так косился, хотя Вячко вел себя тише воды ниже травы. Чуть ли не ползком по всему пригорку прошелся – тому, где в последний раз видел княжну. Каждую ямку, каждый выступ осмотрел, словно верил, что Яромира под землю провалилась и вот-вот ему прямо в руки обратно свалится. Даже нашел что-то: кусок старой фибулы, застежки для плаща. Стемид сперва выбросить порывался. Желчно кривил губы да говорил, что, верно, в *предыдущие разы* сам Вячко и обронил.

Чеслава этот кусок себе забрала. Лучше князю отдать, и тот пусть рассудит.

Ярослав встречал их у ворот. Брезгливым, презрительным взглядом окинул княжича, которого подоспевшие ратники из его дружины сняли с коня. На своих ногах Воидраг стоять не мог.

– Отыскалась пропажа, – скривился князь. – Напрасно, стало быть, воевода Видогост сам на поиски отправился.

– Пошто он сам сунулся? – переспросил Стемид.

– Нет у него к нам веры. – Ярослав желчно усмехнулся. – Обещался поутру уехать, коли княжич найдется.

– Стало быть, не будет союза... – начала Чеслава и оборвала себя поспешно: нашла время, когда о таких вещах говорить!

– Стало быть, не будет, – жестко сказал князь.

Воительница переглянулась со Стемидом. Вся grids ведала, как Ярослав Мстиславич искал этого союза, как важен он был для Ладоги.

– Княже, – Чеслава шагнула вперед, достав из мошны обломок фибулы, и протянула его на ладони, – вот, отыскиали на пригорке том. А больше ничего...

– Хм. – Ярослав взял вещицу и повертел в руках. – Чудно. Фибула-то золотая.

– Это Вячко нашел, – быстро сказала Чеслава и тут же пожалела.

Князь потемнел лицом и смял осколок в кулаке. А затем бросил его на землю, словно тот жег ему руку.

– Собери поутру моих воев в gridsнице. – Ярослав повернулся к Стемиду и заговорил совсем о другом: – Рассудим, что делать.

Дождавшись быстрого кивка, он развернулся и зашагал в сторону терема. Мимо дернувшегo к нему Вячко прошел как мимо отхожего места, подобрав полы плаща, чтобы ненароком не коснуться. Кметь так и застыл, глядя прямо перед собой пустыми, полубезумными глазами.

Когда Ярослав скрылся в тереме, от крыльца отделилась тень стоявшего там воина, и к сыну подошел воевода Будимир.

Чеслава хотела уйти, чтобы не стать невольным видоком того, что для чужих ушей не предназначено, но не успела. Потому что воевода, так и не взглянув на Вячко, сказал:

– Ты мне больше не сын!

Потом подошел и содрал с него, несопротивляющегося, воинский пояс. Долго возился неверными, непослушными пальцами с застежкой, а Чеслава словно к земле приросла. Ноги налились свинцом, она и хотела отвернуться, чтобы не видеть эту невозможную, невообразимую кару, но не могла.

Наконец воевода Будимир сладил с застежкой и, зарывав, напряг силы, чтобы отдрать Перунов оберег. Он сам приладил его к поясу сына, когда тот выдержал Посвящение и из мальчишки превратился в мужчину. Долго не поддавался тонкий шнурок, хотя, казалось, что в нем рвать?.. Но вот жалобно затрещала нить, и знак Перуна оказался в одной руке, а пояс – в другой. Оберег Будимир спрятал себе под рубаху, а пояс швырнул под ноги сыну. Вячко дернулся, но смолчал.

– Нет у тебя больше отца!

Воевода, пошатнувшись, развернулся и зашагал прочь. Шел он так, что казалось, к каждой ноге его был привязан неподъемный груз.

Долго стояла тишина. Чеслава отчего-то страшилась пошевелиться. Краем глаза заметила замершего в стороне Стемида, ставшего еще одним невольным видоком суровой расправы.

Наконец Вечеслав отмер. Склонился и слепыми руками нашарил в пыли пояс. Бережно отряхнул его и, согнув голову, попытался застегнуть. Руки у него дрожали, не слушались.

Первым не выдержал Стемид. В несколько шагов подошел к нему и взял – не выхватил – из рук воинский пояс, быстро сладил с застежкой, пока кметь, не поднимая головы, разглядывал пыль у себя под сапогами.

– Есть куда пойти? – спросил хмуру.

Вячко уразумел не сразу. Повел неуверенно плечами и махнул рукой.

– Под крыльцом посплю, – сказал сорванным голосом.

Он не шутил и не пытался никого разжалобить. Просто разом сделалось ему все равно, где спать, что есть, куда идти. Может, случись все на берегу реки, он бы шагнул прямо в бурный поток, и довольно.

– Под крыльцом только псы спят, а ты княжий кметь, – спокойно отозвался Стемид. Поймав взгляд Чеславы, вдруг подмигнул ей, хотя было ему невесело. – Вот воительница наша княжьей милостью одарена была избой! Пустишь к себе на ночлег мальчика?

Невольно губы Чеславы расплзлись в слабую улыбку. Вот как бывает. Еще днем Вячко был для него щенком, что княжну погубил, а нынче уже малец. За ночлег его радеет...

– Вестимо пуцу. – Она кивнула.

Вечеслав же стоял словно глухой, будто не о нем велась речь. Но когда Чеслава, чуть обождав, развернулась и зашагала к воротам, он последовал за ней неслышной тенью.

Изба, которой ее одарил князь, стояла на окраине городища и одной стеной смотрела на лес. Воительница прикипела к ней, едва переступила порог. Раньше она, как и всякий кметь, у которого не было семьи, ночевала в клети в тереме, а вещи хранила под лавкой. Теперь же у нее был свой дом. Она проросла корнями так крепко, что не выкорчевать.

Как всегда, изба дыхла на нее теплом и уютom. Шибко умелой хозяйкой Чеслава не стала, но кое-что стряпать, знамо дело, могла. Княгиня Звенислава с самого первого дня присылала к ней чернавок со свежим молоком, сливками, сырами, караваем.

Неловко потоптавшись на пороге, Вячко поклонился домовому и вошел. Двигался он словно деревянный, и лицо у него было каменное, совсем неживое. Покосившись на него, Чеслава указала рукой на лавку, что стояла в дальнем углу у стены, напротив остывшей за долгий день печи.

– Ее занимай. – Горло першило от неловкости, и она откашлялась.

Чтобы отвлечь себя и забыть делами дурные мысли, она полезла по сундукам да ларям выискивать, что постелить на жесткое дерево. Но когда вернулась из угла, отгороженного занавесью, то застыла посреди горницы: Вячко улегся прямо на голую лавку – лицом к стене, подложил под щеку сложенные ладони и уже тихо сопел. Не то взаправду спал, не то притворялся.

Чеслава подавила вздох и все же подошла к нему, укрыла стареньким покрывалом. Остальное пристроила рядом. Проснется ночью – может, возьмет. Потом села за стол и, подперев ладонью щеку, долго смотрела на мерно вздымавшиеся плечи Вячко. Кажется, все же не притворялся.

Рано утром Чеслава проснулась от шума. Спросонья ничего не вспомнив о прошлой ночи, схватилась за меч, который всегда клала рядом с собой. Вскочив с лавки, уже малость пообвыклась и в себя пришла. Воительница натянула привычные портки, оправила рубаху из плотного льна, пригладила тонкую косу и прошлепала босыми ногами в горницу.

– Я тебя разбудил? – заметив ее, покаянно спросил Вечеслав. Он принес в избу дрова, чтобы подтопить печь, и сложил их на полу. – Не сердчай. У нас... – случайная оговорка про отцовскую избу обожгла губы, и он замолчал, пережидая острую, болезненную судорогу, – раньше по-другому заслонка открывалась. Непривычно мне.

Он умылся и выстирал испачканную кровью рубаху. Та нынче сохла на печи. Невольно Чеслава отметила, что на избитом теле не было живого места. Вячко ждал ответа, и потому она сказала:

– Не разбудил. К князю пора.

Пока она собиралась, Вечеслав сидел в сторонке на той лавке, на которой спал. Вновь появившись в горнице, уже с воинским поясом и вдетым в ножны мечом, Чеслава посмотрела на него удивленно и малость раздраженно:

– Ну, чего расселся? Хочешь к князю запоздать?

Вячко ожег ее забытым, неуверенным взглядом. Еще пару дней назад воительница и представить не могла, что справный, статный, веселый кметь будет *так* смотреть.

– Но как же... – пробормотал неуверенно, и Чеславе сделалось горько.

– Тебя из рода отец изгнал, а не из дружины князь. Собирайся, – сказала твердо, и впервые за два долгих тяжких дня Вечеслав улыбнулся.

«Ништо, – подумала Чеслава, наблюдая за ним. Она пыталась понять, что скажет князю, коли он по-другому рассудит. – Ништо. Как-то будем жить».

– Чеслава, – Вячко поднял на нее взгляд, – никогда не спрашивал досель... Как тебя по батюшке величать?

– Никак, – отрезала воительница, поджав сухие губы. – Нет у меня отцовского имени. И отца нет.

«С той поры, как он выколол мне глаз».

Кметь молчал. Ничего не спрашивал, ничего не говорил, и Чеславе это пришлось по нраву.

– Стало быть, мы вдвоем теперь будем. – Вячко натянуто, жестко улыбнулся. – Я ведь тоже больше не Будимирович.

По пути в терем они приметили нечто странное. Из леса вышел воевода Видогост. И бочком-бочком, украдкой вдоль опушки зашагал к терему.

– Князю рассказать надобно. – Воительница прищурилась, глядя ему в спину.

Ярослава Мстиславича поджидать Чеслава отправилась на крыльцо терема. Вячко же в одиночестве пошел в гридницу, к которой медленно стягивались кмети. Посмотрев ему вслед, воительница хмыкнула со странной гордостью. Любо-дорого поглядеть было, как шагал. Распрямив плечи, подняв голову. И только разбитое лицо да сиротливый, куцый обрывок шнура, на котором еще вчера висел родовой оберег Перуна, выдавали, что случилось накануне.

«Надо бы новый парню справить, – подумала она по-женски домовито. – Негоже кметю без знамени Перуна ходить».

Еще и кивнула сама себе. Мол, верно мыслишь, Чеслава!

Несмотря на раннее утро, подворье уже давно не спало. Чеслава стоять без дела не привыкла, да и подпирать собой крыльцо вскоре устала. Поймав теремную девку, вызнала, что князь и княгиня трапезничают. Стало быть, немного времени у нее было, и воительница зашагала к конюшне, проведать кобылу. Внутри, кроме слуг, она встретила старшего сына князя, Крутояра. Наравне с холопами тот чистил стойла, таскал старое сено, ворошил новое, поил лошадей, подсыпал им овес. Заметив ее, мальчишка смутился. Но – делать нечего – вздохнул и подошел, утирая вспотевший лоб рукавом испачканной заношенной рубахи.

Чеслава ведь не только княжон учила ратной науке. Она и старшего княжича натаскивала, когда отец его да десятник Горазд заняты были.

– Ты пошто здесь? – спросила нахохлившегося мальчишку.

– Князь наказал, – буркнул он, смотря в сторону. – Я Мирошке подсоблял из терема сбегать. Стерег их, совой кричал.

– И в ту ночь? – подивилась Чеслава.

– Нет, – еще сердитее отозвался Крутояр и помотал головой. – Но сперва я мыслил, все через меня случилось. Ну, раньше-то ведь я подсоблял... вот и пошел к отцу, повинился...

И, вздохнув, княжич дернул носом. Чеславе сделалось и горько, и смешно. Совсем в тереме все наперекосяк пошло, как Яромира пропала. Посыпалось, словно из-под ног почву выбили.

Крутояр вновь поднял руку, чтобы смахнуть со лба пот, и чересчур широкий ворот рубахи съехал чуть в сторону и вниз, обнажив плечо. С высоты своего роста Чеслава заметила на нем вытянутую красную полосу. След от удара.

Заметив ее взгляд, княжич ступил назад и рваным движением поправил ворот, натянув его под самое горло.

– Ну, а ратную науку постигать батька не запретил? – улыбнулась воительница, глядя на насуспенного мальчишку.

Тот поднял удивленный взгляд.

– Нет! – воскликнул громко.

Как можно княжичу такое запретить? Ему надлежало стать воином, правителем. Он упражняться должен денно и ночью.

– Обожди меня тогда. Как в гриднице управимся, погоняю тебя.

Лицо Крутояра вспыхнуло ярче солнца в дождливый день. Он закивал и впервые за весь разговор просиял улыбкой:

– Я разом управлюсь, осталось навоз разгрести, и...

– Чеслава? Пошто ты здесь?

Воительница выругала себя крепким словом. Ну как так можно заболтаться, что шаги князя позади себя не услышать? Тот ступал бесшумно, как и подобало воину, но ведь и она не пальцем делана. Должна была почувствовать.

Крутояра же при виде отца как ветром сдуло. Схватил зубчатые грабли и бочком-бочком скользнул обратно в конюшню. Чистить стойла. Занятие, вестимо, для княжича позорное, как и положено всякому наказанию.

– Княже, – воительница склонила голову, – я сказать тебе хотела... С утра, еще до того, как солнце встало, я прямо из избы увидела, как воевода Видогост из леса выходил. Один. Шибко уж он таился, себе за спину все глядел. И по опушке в терем воротился.

Ярослав молчал. Какая-то мысль вертелась на самом краю сознания, но он никак не мог за нее ухватиться.

– Моя же изба с самого края стоит, – не дождавшись ответа, воительница заговорила вновь. – Я решила тебе рассказать. Чудно ведь.

– Чудно... – эхом повторил Ярослав, мучительно что-то припоминая. В одно мгновение он изменился в лице. – Фибула! – воскликнул и поспешил на середину подворья, куда накануне выбросил в пыль находку.

Немало сапог пришлось по подворью за минувшее время. Ярослав, не чураясь, сам разгребал пыль, и воительница, вестимо, помогала. Наконец, он наткнулся пальцами и укололся до крови об острый край, но даже не почувствовал боли. Князь отряхнул об портки осколок фибулы и поднял его на вытянутой руке на солнце – так, чтобы на него попали первые, особенно яркие лучи.

– Перуне, Отец небесный... – прошептал ошеломленно одними губами.

Стиснул осколок в кулаке – вздулись жилы на предплечье – и, круто развернувшись, зашагал в терем. Чеслава поспешила следом. Вихрем князь промчался мимо собственных воев и взлетел на крыльцо, а затем по всходу поднялся на женскую половину терема. Воительница старалась не отставать: грызла ее мысль, что в таком состоянии Ярослав Мстиславич способен на непоправимое.

– Звенислава! – Его громкий зов рокотом разнесся по горницам, и встревоженная княгиня показалась в дверях, держа за руку младшую дочь.

– Погляди! – Князь приблизился к ней прыжком и показал осколок фибулы. – Погляди, такие ты на плащи нашивала? В дар *дорогим* гостям.

Княгиня посмотрела на мужа, словно впервые видела. Ее, как и Чеславу, потрясло то, как сильно князь был взбудоражен. Редко он давал волю чувствам, и того реже кто-то видел его волнение.

– Что приключилось? – Звенислава протянула руку и накрыла ладонью его предплечье, подивившись тому, какой горячее была кожа даже через рубаху. – Ярослав...

– Погляди на фибулу и скажи: узнаешь ты ее? – Князь старался говорить спокойно, но голос его дрожал, разрывался от сдерживаемого гнева.

Вздохнув, Звенислава покорно всмотрелась в кусочек, который протянул муж. Она повертела его в руках, погладила пальцами шершавые края, покатала меж ладоней. И, чуть помедлив, кивнула:

– Таких всего две было. Для плащей княжича Воидрага и дядьки его, воеводы. Их купцы из Царьграда по моей просьбе привезли...

Князь не дослушал. Развернулся и рванул прочь, только и мелькнула беленая рубаха на ступеньках взохода. Звенислава проводила его рассеянным взглядом и посмотрела на Чеславу, но та, уразумев, куда направился Ярослав Мстиславич, побежала за ним.

Выскочила на крыльцо, когда князя уж след простыл. В отчаянии воительница отыскала воеводу Стемида в толпе гридней и махнула ему рукой, чтобы следовал за ней. В отдельные хоромы, где разместили гостей, они поспели вовремя.

Схватив воеводу Видогоста за ворот рубахи, Ярослав швырнул его спиной в стену, и тот осел на пол, оглушенный и ничего не понимающий. Князь принялся осыпать его ударами кулаков.

– Где моя дочь?! Куда подевал мою дочь?! – рычал он, переводя дыхание в коротких промежутках. Лицо его искривляла дикая, ничем не обузданная злость.

Застыв в дверях, Стемид и Чеслава глядели на это несколько мгновений, а потом воительница, не помня себя, бросилась к князю, ловя за руку. Очнувшись, с другой стороны подошел и Стемид.

– Ты убьешь его, господине! – кричала она, хоть и ведала, что тщетно.

Опьяненный и разгоряченный, Ярослав ее просто не слышал.

– Что тут... дядька! – В горницу влетел княжич Воидраг, привлеченный звуками борьбы.

Он поднял шум, и на него сбежались кмети обеих дружин. Насилу Ярослава оттащили от валявшегося на полу воеводу. Потребовалось пять крепких, дюжих мужиков, чтобы обуздать князя. У того в кровь были разбиты кулаки. Кровь же пятнами растекалась по рубахе и стенам над местом, где избил он воеводу.

Видогост тяжело захрипел и продрал уже заплывшие от ударов глаза.

– Покажи плащ, – Ярослав глянул на воеводу, – который тебе моя княгиня подарила.

Когда Видогост не пошевелился, князь не выдержал и сам раскидал кучу тряпья, что лежала на лавке. Нашелся в ней и дорогой добротный плащ – дар грядущим родичам от Ладожской княгини. Именно в них воевода и княжич сидели на пиру в ту ночь.

Чеслава не сдержала потрясенного вздоха, когда князь, тряханув плащ, растянул его в руках и указал на сломанную застежку. А после раскрыл ладонь, на которой лежал осколок фибулы. Он подходил к той застежке как родной. *Он и был родным.*

Стемид тем временем отдал короткий приказ, и вскоре хоромы, где привечали гостей, окружила ладожская дружина.

Видогост глядел по сторонам, полулежа на полу. Подниматься он не спешил. Медленно, но верно настигало его тяжелое осознание: он попался.

– Где моя дочь, воевода? – Голос Ярослава разрезал тишину. – Я выколю тебе глаза и отрежу все пальцы по одному, а потом выпущу кишки и скормлю диким зверям, – пообещал он будничным голосом.

– Довольно! – Видогост разлепил окровавленные губы. – Довольно. Я скажу. Скажу.

Побег княжны

Яромира споткнулась и чуть не упала. Грубая веревка, которой были связаны ее руки, натянулась, когда идущий впереди мужчина дернул ее на себя, заставив княжну семенить.

– Ну! Пошевеливайся! – велел Щука.

– Я тебе не телок на торгу, – огрызнулась Яромира и смахнула со лба пот внутренней стороной локтя.

– Ишь ты, – присвистнул Рысь. – Какая болтливая оказалась. Может, тебе рот опять заткнуть?

Если бы могла, княжна испепелила бы его взглядом. Ее глаза полыхнули яростью, которую часто можно было увидеть в глазах ее отца. Но язык она прикусила: бежать по лесу с кляпом будет невыносимо.

Третий мужик, самый молчаливый из всех, имени которого она до сих пор не знала, обернулся и махнул рукой.

– Чего застыли? – недовольно пробормотал. – Уж скоро солнце встанет!

Щука и Рысь рванули вперед, и Яромира – следом. От усталости она едва переставляла ноги. Сперва ее бросили, связанную и недвижимую, почти на целый день в землянку, а после едва ли не взащей вытолкали наружу и заставили бежать до колющей, острой боли в боках. Ей не хватало воздуха, и она рвала горло и легкие, пытаясь нормально вдохнуть. Но лишь пуще их обжигала.

По лесу Яромира брела словно слепая. Она не узнавала Ладожской земли, хотя они не могли уйти далеко. Все казалось ей чужим, черным и пугающим. Деревья скрипели и шелестели на ветру, их тонкие ветки раздирали одежду, вытаскивали пряди из растрепанной косы, стегали по лицу. Коряги и торчащие корни так и норовили броситься под ноги, и уже не единожды Яромира преобольно о них ударялась, пачкая хорошенькие, ладные сапожки. Вдалеке выли волки, всюду ей слышались звуки диких зверей.

– Пошевеливайся! – Рябой Щука дернул веревку безо всякого повода, и Яромира оскандилась ему в спину.

Он упивался властью над княжной. Ей уже казалось, что это он подговорил Рысь выкрасть ее лишь затем, чтобы не делиться властью с воеводой Видогостом. Да, тихие омуты глубоки. Оказалось, лютая гниль сидела в сердцах мужиков, что еще седмицу назад жили-поживали со своими семьями и ведать не ведали, на что будут способны ради звонкой монеты.

Когда воевода Видогост – злющий, встрепанный – толкнул дверь землянки с такой силой, что та едва не отлетела, Яромира не поверила глазам. Но сколько бы она ни моргала, морок не исчезал. Словно замороженная глядела княжна, как воевода, пригнувшись, шагнул в землянку да пнул со всей дури лавку. И такова была его злость, что скамья перевернулась, а сидевший на ней Щука отлетел к стене.

Может, в тот самый миг замыслил он за унижение отомстить.

– Еще день побудьте тут с ней, – мрачно велел Видогост, не глядя на Яромиру.

– Ты нам заплатит обещаешься! – Рябой Щука взвился на ноги с грязного, вонючего пола, и воевода посмотрел на него словно на пыль у себя под сапогами.

– Молчи, холоп. Не то ни гроша не получишь, – посулил он и потряс перед лицом уродливого мужика тяжелым кулаком.

– Охолони-ка малость. – Рысь шагнул к нему и примирительно поднял руки. – Мы с тобой об ином сговорились. Еще день – так плати вдвое больше!

– Ах ты пес вонючий! – И резким ударом Видогост завалил того на пол. – Еще смеешь мне, княжескому воеводе, указы чинить? Да я твою голову размажу об стену и не запыхаюсь! – взревел он и сызнава пнул лавку.

Когда в землянке повисла тишина и напуганные мужики замолчали, решив, что перечить ему нынче – гиблое дело, Видогост вновь заговорил. Сперва всех троих обвел пристальным взглядом, потом откашлялся, прочистил горло и сказал:

– Завтра к ночи за ней вернусь. Серебра вам принесу. Все. И будет с вас.

Не успела за ним захлопнуться дверь, как Щука смачно сплюнул вслед. И тогда у Яромиры от страха прошелся по спине холодок.

– Надует он нас! Правду княжна сказывала, зарубит, и вся недолга! – Он сжал в кулак мозолистую пятерню. – Уходить надобно, и ее с собой заберем. Сами князю отдадим и денег с него по весу девки возьмем!

Пререкались они совсем недолго, и уже вскоре трое мужчин распахнули дверь землянки и вытолкнули Яромиру наружу. Она жадно глотала упоительный, свежий воздух и не могла насытиться, но долго ей стоять не позволили. Щука обмотал руки веревкой теперь уже спереди, а другой конец сжал в кулаке.

– Ступай, княжна, – велел он и положил ладонь на плечо Яромиры.

Та сбросила его руку и скользнула в сторону на пару шагов. От его сального прикосновения повеяло чем-то недобрым.

В лесу Яромире стало гораздо страшнее, чем было в землянке. Там-то она, поразмыслив, решила, что никакой беды с нею не случится, никто ее обижать не станет и уже очень скоро она вернется в терем, увидит отца и матушку...

Но нынче все виделось по-другому. Решив предать воеводу Видогоста и забрав с собой его добычу, мужчины враз круто все изменили.

От рябого Щуки ее постоянно бросало в дрожь. Его прикосновения, взгляды – ей было противно все. Она бы и рада держаться от него подальше, да он как схватил веревку, так и не думал отпускать. Никому не отдавал даже на мгновение. И постоянно тянул, тянул Яромиру на себя, заставляя то спотыкаться, то падать, то негромко стонать, когда веревка особенно сильно впивалась в стертые до крови запястья.

Одна, совсем одна посреди огромного леса, и рядом – три мужика, один из которых раздевал ее глазами, а имя третьего она до сих пор не знала.

«Лучше бы я осталась сидеть в той землянке с тряпкой во рту. Лучше бы, связанная, дожидалась, пока вновь явится воевода Видогост», – тоскливо думала Яромира, пока с каждым шагом они все дальше и дальше уходили и от землянки, и от ладожского терема. Княжна об этом не знала. В темноте в лесу она совсем не разбирала дороги. А их небольшой отряд уверенно вел Щука, и двое других доверяли ему и не шибко следили за коварной тропинкой. Напрасно.

Когда Яромира в очередной раз рухнула на колени, споткнувшись о торчашую корягу, она смогла незаметно сжать в ладони небольшой, острый камень. Это нехитрое оружие придало ей сил. Пока с трудом попевала за Щукой, задыхаясь и чуть не плача, вспоминала все, чему учила ее воительница Чеслава. Как одолеть того, кто превосходил тебя ростом и силой, как можно справиться со здоровенным мужиком. Главное – знать, куда бить. Шершавая поверхность камня царапала нежные ладони, но Яромира лишь крепче его сжимала. Быть может, наступит час, когда он ей пригодится.

Когда на темном небе забрезжил вдалеке рассвет, Щука велел остановиться. Они разыскали неглубокий овраг и спустились туда, схоронились за высокими плотными кустами. Он крепко привязал Яромиру к дереву и отозвал в сторонку Рысь о чем-то пошептать.

Она осталась наедине с косматым, бородатым мужиком, самым молчаливым из всей троицы. Рядом с ним она чувствовала себя, пожалуй, еще хуже, чем когда Щука тащил ее на веревке, словно собаку на привязи. Один его грязный вид пробирал до самого нутра. Княжна старалась не смотреть на похитителя. Искося, потихоньку она принялась оглядывать овраг, в

котором им предстояло прятаться до глубокого вечера. Глупо было надеяться, что она сможет улизнуть, когда они заснут. Кто-то да останется нести стражу.

Яромира зажала ладони коленями, чувствуя приятное покалывание камня. Если извернуться, им можно и глаз выколоть, и жилу пробить. Только бы у нее хватило сил. Только бы попался удачный момент.

– Красивая ты девка, – прохрипел третий, самый молчаливый мужик. – Холеная, нежная. Не то что наши общинные бабы.

По виску Яромиры скатилась бисеринка пота. Медленно, чудовищно медленно она повернулась и посмотрела на похитителя. Его глаза – черные, словно угли, – прожигали в ней дыру. Он облизнул губы, обнажив почерневшие гнилые зубы, и улыбнулся страшной улыбкой:

– И нашто мне княжеское серебро, когда такая краса рядом?..

* * *

Прошло еще четыре дня, и Яромира почти забыла, что была когда-то княжной. Что у нее была та, другая жизнь. С отцом и матерью, которые не чаяли в ней души, с младшими братьями и сестренкой, с воительницей Чеславой, с Вячко... С мягкой, теплой постелью и нарядами из тонкой, невесомой паволоки¹⁸, червленого аксамита¹⁹ и багряной парчи.

Щука гнал и гнал их по лесу вперед, и время для Яромиры слилось в одну бесконечную серую хмарь.

Они шли ночами и отдыхали днем, но она боялась спать. Лишь дремала – прерывисто, чутко. И всякий раз ей мерещились ледяные руки, больше похожие на клешни. От них шел болотистый, гнилой запах, и у нее сердце переставало биться, когда они ее касались. С судорожным вдохом княжна просыпалась в низине очередного оврага, глубоко в лесу, в окружении кустов и шишек. Оглядывалась по сторонам и замечала на себе липкий взгляд третьего мужика. Недавно она узнала его имя. Блуд.

В первый день она думала, что Щука хочет уйти подальше в глубь леса, а оттуда как-то отправить весть ее отцу. Ведь они хотели получить за нее богатый выкуп. Но минуло уже немало времени, а еще ни разу они не набрали на какое-либо поселение. Даже на дорогу не вышли! Но Щука упрямо пробирался сквозь кусты и колючки, и Яромира уже начала сомневаться в собственной памяти и слухе. Она ведь слышала их разговоры. Их ссору с воеводой Видогостом. Ее они умыкнули ради выкупа. Так отчего же зашли так далеко?..

Усталость и голод туманили Яромире разум, и мыслить четко она не могла. Но на третий раз, как встало солнце и они схоронились в пушистом ельнике на дневной отдых, она все же догадалась.

Догадалась о том, о чем – пока – молчали и Рысь, и Блуд. Щука заблудился в лесу. У их скитаний и блужданий могло быть лишь такое объяснение. И теперь ей оставалось ждать, пока догадаются двое других.

Немудрено, что, оказавшись в огромном, густом лесу, Щука заблудился. Не был он ни бортником, ни охотником и потому не знал особых знаков, которые указывали дорогу.

Они плутали в самой гуще и, быть может, ходили кругами, никуда особо не продвигаясь. Яромира не знала. Для нее все деревья выглядели одинаково, как и для Щуки.

Буря грянула к концу пятого дня. Поднявшийся ветер нагнал на небо тучи, и солнце скрылось раньше обычного. На лес опустились ночные сумерки, и Щука разбудил свой отряд:

¹⁸ Шелковая ткань.

¹⁹ Устаревшее название плотной ворсистой, часто узорчатой ткани из шелка и золотой или серебряной нити, напоминающей бархат.

пора уходить. Пока Яромира пыталась умыться набранной в ручье водой лицо и хоть немного оттереть грязь и пот, мужчины зацепились словами.

– Я сказал – туда!

До нее донесся разгоряченный голос Щуки, и она насторожилась. Отложила в сторону плоску с водой и подняла голову: втроем они стояли наверху оврага.

– Мы отсюда пришли! – зло огрызнулся Блуд. – Я нарочно там дерево поломанное приметил...

– Врешь! Врешь, собака!

Яромира нащупала камень, который хранила с первого дня. Ей больше не связывали руки: веревка обхватывала за пояс, и двигаться княжна стала гораздо свободнее.

– Да ты белены обожрался! – взревел Щука и, не сдержавшись, изо всей силы толкнул Блуда обеими руками в грудь.

Тот пошатнулся, и между ними поспешил вклиниться Рысь. Он примирительно выставил раскрытые ладони по обе стороны от себя:

– Эй, эй, не годится это! – Он попытался их успокоить, но и Щука, и Блуд к тому времени уже были разгорячены и злы.

– Кого ты защищаешь? Он завел нас сам леший не разберет куда! Мы бродим кругами. Чего дожидаясь? Что цепные псы ее батьки нас догонят? – Блуд повернулся к Рыси и посмотрел на него исподлобья.

Щука вскинулся, сжал кулаки и, тряся головой, пошел в наступление. Яромира, наблюдая за ними, задержала дыхание. Да хоть бы они поубивали друг друга, она печалиться не станет! Нашупав ободранными пальцами тугой узел веревки у себя на боку, она достала заостренный камень и потихоньку принялась пилить, поглядывая на крутой край обрыва. Вот бы кто-нибудь из них еще упал и сломал себе шею... Вот было бы славно!

– Ты! Ты во всем повинен! – орал Блуд, и слюни из его рта разлетались далеко вокруг. – Какой леший тебя дернул воеводе дерзить? Пошто мы из землянки ушли? Нынче бы уже при серебре были!

– Остолбень! – ярился в ответ Щука. – Да коли бы не я, ты бы и по сю пору пустые щи хлебал со своей тетешкой!

– Ах ты!..

Кто из них первым схватил с земли палку, Яромира не увидела. Она подняла взгляд от веревки, когда услышала глухой звук, и тихо ахнула. Блуд медленно оседал на колени, из проломленной головы струилась кровь, а над ним стоял Щука с занесенной дубинкой.

– Что ты натворил?! – взвыл Рысь и бухнулся на землю, подхватил едва не завалившегося навзничь Блуда.

Яромира заработала рукой еще быстрее и принялась подергивать на себя веревку, чтобы создать натяжение. Она слышала глухую ругань, стоны, крики... А потом резко зашуршали ветви и листва, и в овраг неподалеку от нее скатились два переплетенных тела. Она не сразу уразумела, кто это был. Но все же смогла разглядеть окровавленную голову Блуда, вцепившегося в Щуку столь крепко, что даже у подлетевшего к ним Рыси не получилось разнять.

Наконец, с жалобным треском поддался и ее узел, и конец веревки медленно осел у ее ног. Яромира была свободна. Прямо перед ней катались озверевшие мужики, рыча нечеловеческими голосами. Рысь бегал вокруг, пытаясь разнять, но скорее мешал и мельтешил.

Сделав глубокий вдох, Яромира бочком поползла в сторону, подальше от них, к другому краю оврага. Щука и Блуд не увидели бы ее, даже если бы она не таилась: так сильно были поглощены избиением друг друга.

Сердце у Яромиры колотилось словно обезумевшее. Она задыхалась, но упорно ползла в сторону, которую наметила. Густые кусты надежно укрывали ее от случайного взгляда Рыси.

Она вслушивалась в звуки драки и кусала губы, моля всех богов, чтобы Щука и Блуд подольше друг друга избивали, если уж не насмерть, то до потери сознания.

Наконец она оказалась ровно напротив мужиков и посмотрела наверх. Ей предстояло ползти по склону оврага, а затем бежать куда глаза глядят. Лучше оказаться в густой чаще, чем на привязи. Вспомнив всех богов и даже Перуна, покровителя воинов, к которым она не относилась, Яромира схватилась за первую корягу и подтянулась. Потом за вторую и за третью...

Ее ноги увязали в густой, влажной земле. Она скользила и цеплялась за грязные палки изо всех сил, пачкаясь еще сильнее, хотя, казалось, сильнее уже некуда.

Яромира проползла чуть больше половины пути, когда громкий треск ветки, которую она ненароком обломала, привлек внимание Рыси. Он глянул сперва в тот кустарник, в котором она сидела изначально, и обомлел, не отыскав княжну. Обшарив овраг, он увидел ее и заблажил не своим голосом. Склонился и вновь попытался оттащить Блуда и Щуку друг от друга, но те уже слабо разумели, что происходило вокруг. И потому Рысь бросился за княжной один.

Никогда прежде Яромира так шустро не карабкалась наверх. Ступив ногами на твердую землю, она, не задумываясь, рванула вперед. Она не знала, куда бежит, не знала, где ее дом, не знала, какую тропинку выбрать, чтобы выйти к поселению. Она знала лишь, что за спиной громко, тяжело сопел здоровенный мужик. И она лучше умерла бы, чем снова оказалась в его руках.

Подобрав порванную, испачканную поневу и прикусив косу, чтобы та не цеплялась за ветки, Яромира мчалась по темному, страшному лесу. Слезы катились у нее по щекам, но она их не замечала. Ее догоняли выкрики Рыси: тот грозил страшными карами и уговаривал остановиться по доброй воле. Дыхание у нее давно сбилось, горло и легкие жгло от нехватки воздуха, глаза щипало от едкого пота. Яромира не останавливалась. Она не остановилась, даже когда за спиной стихли и крики, и тяжелая мужская поступь, когда ее окутала тишина, прерываемая лишь исходившим от нее шумом, когда от погони и Рыси не осталось и следа. Яромира не остановилась. Страх гнал ее вперед. Она падала, и вновь поднималась, и продолжала бежать. Царапала руки и лицо, сбивала колени, рвала одежду, но не останавливалась.

Все закончилось для нее в одно мгновение. Яромира выскочила из леса на поляну перед крутым обрывом и увидела бескрайнюю гладь воды. Словно подкошенная, она рухнула на траву и перекатилась на спину, глядя на небо, на котором забрезжили первые лучи рассвета. Раскинув руки и ноги, она улыбнулась.

Где-то вдали на горизонте показались паруса чужого корабля.

Сборы князя

– Я должен ехать.

Заложив руки за спину, Ярослав стоял в горнице у небольшого оконца и наблюдал за тем, как на подворье сотник Стемид дурачился с Мстиславом, младшим княжичем, и Жданом, сыном Рогнеды Некрасовны. Крутояр в их забаве участия не принимал и бродил неприкаянной тенью вдоль частокола, волоча по земле деревянный меч.

– Я должен ехать, – повторил он и услышал тяжелый вздох.

Князь обернулся через плечо: Звенислава сидела на лавке, глядя в пол.

Минула седмица, как пропала Яромира. В той заброшенной, гнилой землянке, на которую указал воевода Видогост, они никого не нашли, хотя тот божился Перуном, что лишь прошлой ночью оставил в ней княжну с каким-то мужичьем. Князь велел пустить по следу охотничьих лаек, но беглецы то ли были удачливы, то ли не так глупы и перешли вброд пару ручьев. Псы их потеряли.

Тогда Ярослав снарядил несколько отрядов и поставил в их главе десятника Горазда, которому доверял, как себе. И вот уже который день они вдоль и поперек прочесывали лес, ища в глубоких расщелинах и оврагах, забираясь на холмы, утопая по пояс в болоте...

Ладожское княжество было велико, и впервые на своей памяти Ярослав проклинал необъятные просторы, что достались ему от предков. За такую лютую неблагодарность он заслуживал любую из кар, на которые был щедр громовержец Перун, но он не боялся ни одной из них. Боги уже забрали его дочь.

Вздохнув, Ярослав потряс головой, сбрасывая морок, и подошел к жене. Присел перед ней на одно колено и сжал безжизненные, ледяные пальцы в ладонях. Звенислава подняла голову и несмело улыбнулась. Ее зеленые, болотные глаза выщвели за последнюю седмицу из-за пролитых слез. Лицо похудело, а меж бровями залегла новая складка, которой Ярослав прежде не замечал. Раньше жена часто улыбалась, но теперь уголки ее губ были печально опущены.

– Поезжай, – ровным голосом сказала Звенислава. – Коли будут вести... тотчас пошлю за тобой.

Два дня назад, ранним утром, в ладожский терем примчался гонец: созывалось княжеское вече. Угроза из Нового Града, над которой Ярослав седмицей раньше посмеялся, оказалась много серьезнее, чем он мыслил. Тогда он улыбался, читая послание норманнов. Склонитесь, покоритесь, откупитесь данью... Он много и часто тогда смеялся, размышляя над скорой дочкиной свадьбой, над новым союзом для Ладожского княжества. Нынче все было иначе.

– Я потребую голову Видогоста, – сказал он глухо и хрустнул кулаком. – Голову и великую виру.

На княжеском вече они поговорят не только про требования какого-то безвестного Рюрика из Нового Града. Ярослав привезет воеводу Видогоста, чтобы тот сознался в содеянном и рассказал, как злоумышлял против Ладожского князя и своего брата – Залесского князя. Как задумал расстроить грядущее сватовство и случай подвернулся сам собой.

Он пошел за Воидрагом, который следил за Яромирой и Вячко, и похитил княжну, когда оба юноши сцепились, позабыв обо всем. Посулил какому-то мужичью серебра и велел стеречь Яромиру в землянке, пока все не уляжется, не успокоится.

Ярослав от Залесского князя за деяния его брата потребует и виры, и обещанный союз. И тогда, быть может, он вернет княжича Воидрага отцу. А пока погостит тот в ладожском тереме как ценнейший заложник.

Из злых своих мыслей Ярослав вынырнул, когда ладонь жены ласково огладила его щеку, изувеченную старым шрамом.

– Возьми с собой Крутояра. И... Вечеслава. Увези его из терема.

Князь и при имени сына вскинулся недовольно. А уж когда услышал про кметя, на которого до сих пор спокойно глядеть не мог...

Но маленькая рука жены удержала его на месте, не позволив взвиться на ноги. Звенислава смотрела на него твердо и непреклонно, и Ярослав вздохнул. Он уже знал, что уступит ей.

– Вячко за свое ребячество и глупость заплатил сполна, – тихо произнесла княгиня.

Он не мог с ней спорить. Сперва он собственноручно высек мальчишку, а потом по подворью расплозлись слухи, что Будимир выгнал сына из рода и того у себя в избе приютила воительница Чеслава. Ярослав мыслил поговорить с воеводой. Слишком уж круто тот рубанул сплеча... Руку отсечь – и то было бы меньшим наказанием для щенка, чем стать безродным. Но, обдумав, ничего говорить не стал.

– Не горюй, ласточка. – Ярослав вновь стиснул ладони жены в руках. – Всех возьму, кого велишь. Говори еще, кого брать.

Блеснув влажными от слез глазами, Звенислава улыбнулась. Князь встал на ноги и, подхватив жену с лавки, прижал к себе. Она обняла его за шею и устроила щеку на плече, зажавшись. На несколько коротких мгновений в сердце поселился покой, которого в тереме не ведали уже больше седмицы.

– Береги себя, – сбивчиво шепнула княгиня и уткнулась носом мужу в шею, опалив кожу горячим дыханием. – Я буду тебя ждать.

Прошло уже двенадцать лет, как Звенислава переступила порог ладожского терема и стала княгиней. Двенадцать лет она провожала мужа в походы и битвы, из которых он мог не вернуться. И двенадцать лет она говорила ему одни и те же слова, словно заклинание, надеясь, что ее любви будет достаточно, чтобы оборонить его и отвести беду.

Оставив повеселевшую жену в горнице, Ярослав вышел на подворье. Он велел собрать воевод и сотников в гриднице: отправиться на княжеское вече он хотел как можно раньше.

Заметив на крыльце князя, Стемид снял с шеи заливавшегося смехом Ждана и оправил задранную рубаху.

– Еще, еще! Еще, дядька Стемид! – Малец требовательно вскинул руки.

– Довольно, Ждан. – Рогнеда Некрасовна возникла на подворье, словно из ниоткуда.

Проплыла по пыли лебедушкой и подошла к воеводе с детьми, чтобы взять сына за руку.

– Довольно, совсем ты Стемида Ратмировича загонял, – сказала, не глядя на мужчину, который не сводил с нее глаз.

– Мне в радость, княжна, – по старой памяти позвал ее воевода.

Рогнеда все же улыбнулась, но, непреклонно покачав головой, увела слабо сопротивляющегося сына в терем.

Вздохнув, Стемид провел пятерней по затылку. Он встретился взглядом с князем, и выражение его лица изменилось. Из благодушного стало хищным, настороженным. Он был одним из немногих, кому князь рассказал о пришедших из Нового Града вестях и о созыве веча.

– Идем в гридницу, – сказал Ярослав. – Потолкуем.

Он окинул взглядом подворье и нашел старшего сына, который по-прежнему без дела шатался вдоль стены наперевес с мечом. Может, Звенислава была права. Тут он тоже взял лишку...

– Крутояр! – позвал князь, и мальчишка встрепенулся. – Ступай сюда, послушаешь.

Когда с разных концов ладожского городища в терем стеклись воеводы и сотники, в гриднице Ярослав и Стемид уже раскатали на двух лавках начертанную карту, на которой были обозначены все княжества с границами.

Крутояр, которого отец впервые позвал в гридницу как равного, взрослого, стоял в углу и не мог поверить нежданно свалившейся на голову удаче. Разгребание навоза в конюшне и прочие наказания были позабыты мгновенно.

– От Нового Града нас отделяет лишь Древляндское княжество. – Ярослав указал на узкую, вытянутую полосу.

– Да хранит их светлый Перун, – негромко, себе под нос сказал Стемид.

По гриднице разнесся сдержанный смех, и лишь одна Чеслава посмотрела на сотника с укоризной.

– Там непроходимые леса. – Ярослав продолжил говорить без улыбки. – С этой стороны нападения мы можем не опасаться.

– Они могут достать нас по воде, – хмуро сказал Будимир.

После того что натворил его сын, никто не видел на лице воеводы и тени былой улыбки.

– И пробить насквозь тут. – Подойдя к карте, он ткнул пальцем в небольшой круг: маленькое Велеградское княжество. – Они пропустят Рюрика, лишь бы не погибать самим.

Ярослав кивнул. Он и сам так мыслил.

– Нам нужна объединенная рать. Иначе по одному они сожрут всех, – сказал и провел ладонью по глазам.

Убедить князей на вече, чтобы каждый выставил войско, будет сложно. Кто-то струсит, кто-то захочет отсидеться за спинами других, а кто-то и вовсе сбежит Рюрику под крыло. Но сделать это нужно, иначе норманны подомнут их всех под свой сапог и никто не сможет править на своих землях так, как любо лишь ему.

– Залесский князь тебя поддержит, – озвучил Стемид то, о чем все и так думали. – В обмен на сына.

Упервшись ладонями в теплое дерево, Ярослав навис над картой, вглядываясь в начертанное.

– Я отправлюсь завтра, возьму с собой немного людей. – Взвесив все, он поднял голову и окинул воинов взглядом. – Будимир, поезжай в Белоозеро. Испытай тамошнюю дружину. Коли что случится, у нас должен быть надежный тыл.

– Да, княже. – Воевода склонил голову, никак не показав недовольства.

Ярослав усылал его. В иное время он поехал бы на вече вместе с князем. Нынче же... тот отправил его подальше от терема.

И поделом. Не Будимиру роптать на князя. Мог бы и вовсе сослать навечно, подальше с глаз... За то, что такого сына воспитал.

– Стемид, отвечаешь за Ладогу головой, – продолжил Ярослав. – Дружина, запасы к зиме, корабли, торг и купцы – все должно быть сделано. И поиск моей дочери. Коли вернется десятник Горазд, сразу отправь весть.

Воевода молча кивнул.

– С собой на вече возьму Чеславу. – Князь вдруг лукаво улыбнулся. – Сдюжите тут без нее?

– Уж как-нибудь, князь! – хохотнул Стемид, и в гриднице стало повеселее.

* * *

На рассвете следующего дня Ярослав со старшим сыном отправился на капище к идолу Перуна принести дары, чтобы на вече ему сопутствовала удача. За минувшее со дня пропажи Яромиры время жертвы богам приносили каждый день. Молили и Перуна, отца всех воинов, и Сварога, чтобы Бог огня и кузни зажег для заплутавшей княжны свет, и Великую Макошь, покровительницу женщин. Но боги оставались глухи к мольбам людей.

Ярослав опустился перед высоким идолом на колени и задрал голову, всматриваясь в суровый, грозный лик божества. Справа от него колыхнулся воздух, и вот уже рядом с отцом занял место Крутояр. Нашарив под рубахой оберег, князь крепко стиснул его, пока острые края не впились в ладонь, и что-то горячо зашептал. На его шее оберег Перуна висел на потре-

панном от старости кожаном шнурке. Такой же, лишь чуть поновее, носил и его старший сын, доказавший минувшей весной, что достоин держать в руках воинский меч, а не деревянную палку. Они давно могли бы сменить неприметные шнурки на цепочки из серебра, но Звенислава сама сплела их для мужа и сыновей и шептала над ними заговоры, пока руки скручивали тонкие прочные жгуты. Не существовало на этом свете силы, способной заставить Ярослава отказаться от потрепанного шнурка, в который его жена вложила всю свою любовь.

Откинув за спину припыленный подол плаща, князь закатал рукав рубахи и достал нож из голенища сапога. Не дрогнув, прочертил лезвием полосу на предплечье, от запястья до локтя, и сжал кулак, чтобы хлынула кровь. Он поднялся с колен и подошел к идолу Перуна вплотную, поднес к нему руку, хорошенько окропив влажную землю у деревянного основания.

Прогремевший посреди безоблачного, лазоревого неба гром заставил вздрогнуть даже умудренного летами князя. Крутояр же подскочил и метнулся к отцу, прижавшись к левому боку. Звук был оглушающей мощи, а налетевший следом ветер склонил могучие макушки деревьев к земле. Раскат прошел несколькими волнами, и каждая следующая была сильнее предыдущей. Ни отец, ни сын не удивились бы, подними они головы и увидь, что небосвод раскололся на две половины и по нему проползла глубокая трещина.

Но небо оставалось таким же безоблачным и чистым, и лишь дрожь земли под ногами напоминала о прозвучавшем грохоте.

– Батюшка... – прошептал Крутояр, рассеянно оглядываясь по сторонам.

Ярослав накрыл ладонью светлые кудри сына и повелительно шикнул:

– Тихо. Молчи.

Другой рукой – той, из которой на землю все еще стекала кровь, – он нашарил на поясе ножны и чуть вытащил меч, обнажив священное железо – лучший щит против любого морока. Он оглядел капище, но не заметил и не услышал ничего. Лишь ветер протяжно завывал меж деревянных изваяний. Князь поднял голову, вглядываясь в грозный лик Бога-громовержца. Был ли гром ответом на его мысли? Благословением?..

Когда отошли от капища на сотню шагов, Ярослав остановился посреди тропы и терпеливо дождался, пока Крутояр замотает его порез чистыми тряпицами. Руки у сына подрагивали, и узел он смог затянуть не с первого раза.

Князю и самому было не по себе.

– Отец, – Крутояр тронул его за руку, – то был добрый знак?

Он посмотрел на побледневшего, встревоженного сына, который был его отражением. Он словно в водную гладь всматривался всякий раз, когда видел лицо Крутояра. В тереме шептались: вот уж княгиня Звенислава расстаралась так расстаралась. Не просто родила первым мальчишка, княжича и наследника, так еще и на отца похожего, что капля воды.

– Добрый. – Князь соврал, и мальчишка заметно повеселел.

Ему все было внове и все было волнительно. Никогда прежде отец не брал его на капище, всегда ходил один, коли не собиралась на жертвоприношение вся гридь. И никогда прежде он не выезжал с отцом никуда дальше границ княжества. Нынче же он отправится с ним на вече... Крутояр и помыслить о таком не смел. Думал, что навлек на себя гнев князя аж до самой зимы, а то и дольше за то, что подсоблял Яромира и Вячко.

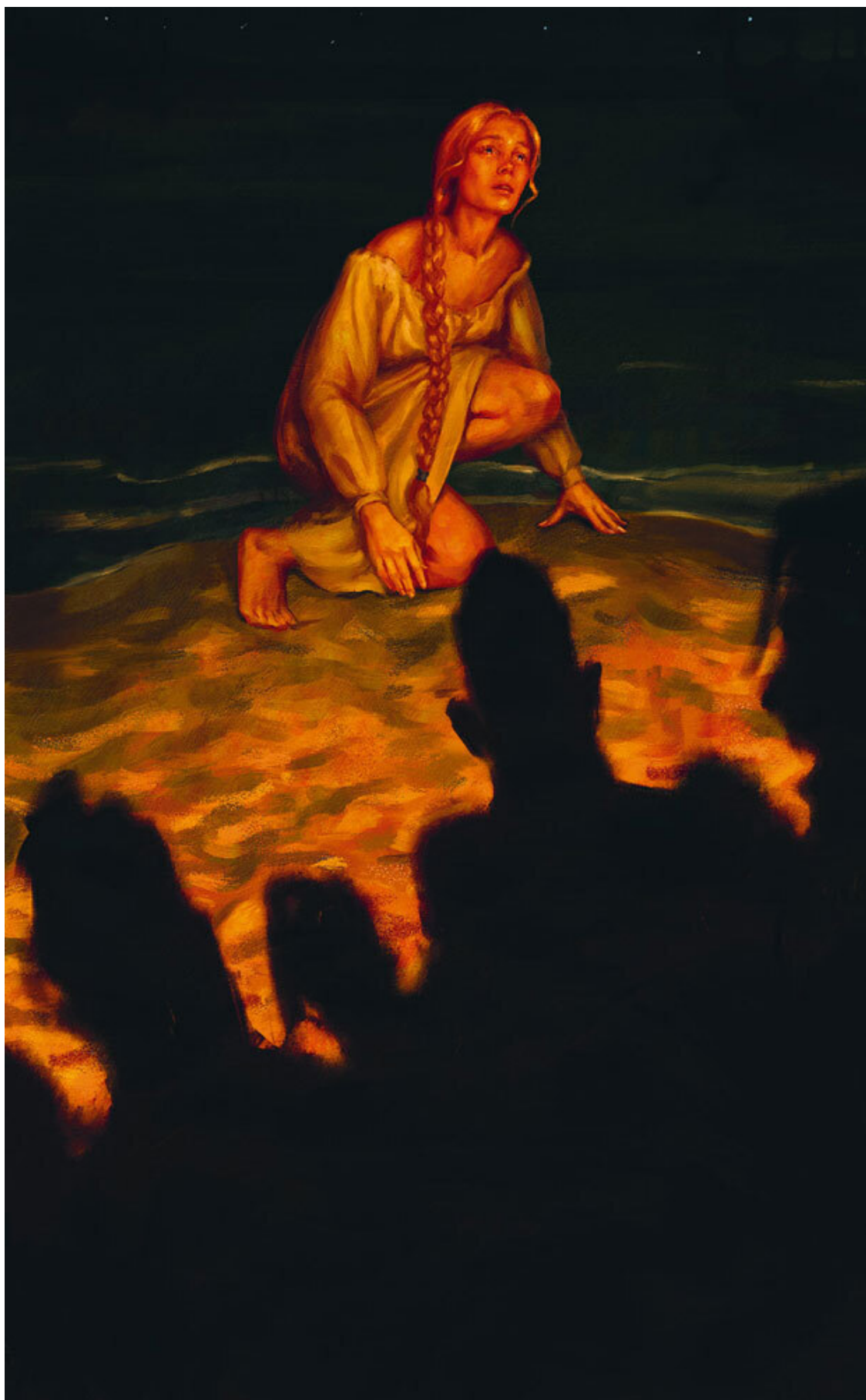
– Никому о том не сказывай, – уже возле ворот в терем предупредил Ярослав, соскочив с коня.

Крутояр, приняв у него поводья, посмотрел на отца, хотел что-то спросить и почти сразу же закрыл рот, клацнув зубами. Молча кивнул.

– Особенно матери, – поразмыслив, добавил князь.

Подворье, как и всегда перед скорым отъездом, было охвачено суетой. Слуги и отроки снаряжали сразу два отряда: один – княжеский на вече, и второй – во главе с воеводой Будимиром в Белоозеро.

Проводив взглядом умчавшегося в терем мальчишку, Ярослав вздохнул. Не в первый раз пожалел он, что не было рядом старого пестуна, дядьки Крута, в честь которого его сын получил первую часть имени. Уж тот бы всенепременно растолковал ему, что своим знамением хотел сказать Перун.

Он соврал сыну, не верил, что знак был добрым, ведь в тот миг Ярослав не только просил Перуна об удаче на княжеском вече. Нет. Он думал, что было бы славно, коли с Новым Градом они договорятся миром. Было бы славно этой зимой не умыть землю кровью, не оплакивать отцов, братьев, мужей, сыновей... Кажется, Бог-громовец осерчал на Ярослава за такие мысли. Перун был богом воинов, богом кровавых битв и сеч. Немудрено, что чаяния князя не пришлись ему по нраву.

Мужчина провел ладонью по глазам. Он знал, что среди его людей нашлись бы те, кто назвал бы подобное трусостью. Но Ярослав также знал, что сражения, идущие одно за другим, истощали княжество. А он хотел для Ладоги процветания. Спокойствия. Он хотел для Ладоги мира. Довольно они умывались кровью – столько лет подряд. Никто не скажет, что Ладожский князь бежит от битвы. Никто не смеет обвинять его в трусости. Хотеть, чтобы твои люди жили, – это не трусость.

Свои терзания Ярослав всегда скрывал умело. Ни воеводы, с которыми он провел остаток дня в беседах, ни жена, ни младшие дети – никто не заметил, что князь носил на сердце тяжесть. И только Крутояр порой искоса поглядывал на отца, не решаясь заговорить о том, что его терзало. Неужто мальчишка ему не поверил?..

Но в сыне текла та же кровь, что и в его жилах. Ему с рождения было начертано стать князем, и все поколения предков незримо стояли за его плечами. Быть может, по спине Крутояра пробежал холодок, который ощутил на капище и Ярослав. Быть может, сын почувствовал куда больше, чем мог постичь.

На другой день провожать князя собралось почти все городище. Пришел и простой люд, и бояре, и жрецы, и купцы. Звенислава, как и всегда, стояла на крыльце, держа за руку маленькую дочь. Младший сын Мстислав, названный в честь деда, отирался подле отцовской лошади и завидовал старшему брату, которого Ярослав брал с собой.

– Ну, носом-то не хлюпай. – Крутояр, начисто лишенный злобы, утешал его, как мог. – Вот выдержишь Посвящение, отец и тебя возьмет.

– Праа-а-авда? – протянул тот уже не так обиженно, но носом все-таки дернул.

– Правда-правда, – закивал старший княжич, косясь на расхаживающего по подворью отца. Ему не нужно видеть, что у младшего сына глаза на мокром месте.

В сторонке, чуть сбоку от них, также стояли двое: кметь Вячко и его младший брат. Старший что-то говорил – убежденно, горячо, быстро, а другой лишь кивал понурой головой и, кажется, всхлипывал.

Вячко положил ладонь на шею младшего и притянул к себе, уткнувшись лбом в его лоб.

– Ты теперь у отца старший, – сказал, потрепав брата по волосам, резко убрал руку и зашагал прочь, не оглядываясь.

Тот рванул следом, но вышедшая из-за теремной стены Чеслава вытянула руку, преградив дорогу. Глядя в спину Вячко, она сказала:

– Оставь его. Он должен уйти сам.

Когда настала пора прощаться, Звенислава расцеловала обоих: и мужа, и старшего сына. Крутояр, который мнил себя уже взрослым, попытался увернуться – негоже, чтобы матушка прилюдно его тетешкала! – и заслужил от отца подзатыльник. На мгновение ему стало совестно: отец никогда рук своей княгини не отталкивал. Пришлось виниться и самому целовать и матушку, и сестренку.

Подворье они покинули под громкий, радостный гомон и крики. Все ждали, что князь привезет с веча добрые вести.

Нечаянное спасение

– Нам нужно пополнить запасы.

Харальд сидел на веслах наравне со своими людьми, когда кормщик Олаф остановился возле его скамьи. Конунг ничего не ответил: тряхнул головой, отбрасывая с лица волосы, и продолжил размеренные, отточенные движения.

Но старого кормщика не могло смутить нежелание его вождя отвечать. Он слишком давно и хорошо знал этого упряма, чтобы робеть при каждом косом, недовольном взгляде.

– И тебе нужно серебро, чтобы платить людям. У нас трюм ломится от добычи. Нужно остановиться на торг, – неумолимо продолжил Олаф.

Он стоял на палубе, широко расставив ноги, и вглядывался в даль, приложив ладонь ко лбу и сощурился. Погода благоволила им последние дни: море было тихим, спокойным, а ветер – попутным. Они на весла-то садились ненадолго, больше для того, чтобы размяться да не заскучать на корабле.

Харальд заскрипел зубами. То, что старый кормщик был прав и знал это, не добавляло ему настроения. Он не хотел встречаться ни с кем из конунгов, с которыми громко спорил на тинге, не потому, что трусил – он бы выпустил кишки любому, кто осмелился такое сказать. Причина была иной. Ему снились дурные сны, а никакой уважающий себя вождь не может закрывать глаза на такие предзнаменования. Все знали, что конунги говорили с богами, с самим Одином.

Харальду являлись во снах окровавленные сородичи и багряное пенившееся море; он видел проплывавшие мимо тела родни и своих людей, изрубленные и иссеченные, и охваченную огнем Гардарики, и маячивший вдалеке лик Рёрика, и бесчисленную рать, собранную конунгами русов...

Двух толкований быть не могло. Предзнаменование было дурным. И потому он хотел увести драккар и людей как можно дальше и от места, которое считал домом, и от берегов Гардарики. Он хотел отправиться на юг, бить франков, кого угодно, потому что бескрайнее багряное море из снов, посреди которого стоял он сам – с руками по локоть в крови, – его *беспокоило*.

О том, что видел каждую ночь, как только закрывал глаза, Харальд не говорил никому – ни старому кормщику, ни сыну сестры, ни своим ближайшим людям. Им это знать ни к чему. И часто ловил на себе любопытные недоуменные взгляды: куда спешит конунг? Почему велит не останавливаться и уходить подальше от берега? Почему они пропустили уже несколько торговых городов?.. Харальд чувствовал эти взгляды хребтом. Тем самым, по которому бежал ледяной холод, когда ночью ему являлись вещие сны.

Еще никому не удавалось уйти от своей судьбы. Уйти от того, что сплели норны²⁰. Но Харальд не стал бы конунгом, если бы не попытался.

Олаф стоял, возвышаясь над сидящим на скамье вождем, терпеливо дожидаясь ответа. Широкий ворот заношенной рубахи съехал в сторону, обнажив старый шрам на плече Харальда.

– Правь к берегу. – Тот поднял голову и посмотрел на кормщика. – Задержимся на один день, не дольше.

Вместо того чтобы кивнуть и уйти, Олаф остался. Он всматривался в лицо конунга, которого не радовали ни погода, ни попутный ветер, ни спокойное море. Всюду на драккаре слышались смех и громкие беззаботные голоса, но один лишь Харальд выглядел все более мрач-

²⁰ В скандинавской мифологии богини судьбы. Урд символизировала прошлое; Верданди – настоящее; Скульд – будущее.

ным с каждым новым рассветом. Он и грести сел раньше, чем наступил его черед, и сказал, что не будет ни с кем меняться. Какие мысли он хотел вытравить из головы тяжелой работой?

Кормщик почесал густую поседевшую бороду. Как будто Харальд ответит, коли он спросит. Зыркнет недобро и прогонит прочь – это Олаф знал наперед.

– Там будет Трувор, – сказал наугад и прищурился, наблюдая за вождем. – Это последний крупный торг на морском пути. Они его не пропустят.

Лицо конунга не дрогнуло. Но зато весло он дернул на себя резче обычного и с такой силой, что его отбросило назад на скамье. Конечно, он усидел. Еще не родился такой конунг, который упал бы на своем драккаре. Но Олафу было достаточно того, что он увидел.

– Довольно. – Харальд раздраженно посмотрел на мужчину. – Тебе нечем заняться на моем драккаре, кормщик, кроме как тратить время на глупую беседу?

Даже по имени его не назвал. Олаф спокойно пожал плечами и ушел, решив, что достаточно на сегодня испытывал терпение своего конунга. Когда он занял привычное место на корме, к нему подскочил племянник Харальда Ивар.

– Что он сказал? – проговорил с поспешностью, свойственной лишь юнцам.

Олаф смерил его долгим взглядом:

– Поди да спроси, – хмыкнул и отвернулся.

Ивар выругался, припомнив владычицу мертвых богиню Хель. Олаф неодобрительно покачал головой. Ни к чему было поминать вслух правительницу подземного царства. Но видно, мальчишку с детства не приучили держать язык за зубами. А когда Харальд на правах старшего родича взялся его учить, было уже поздно.

Кормщик проследил за Иваром: тот ушел на противоположный борт, к компании молодых зубастых волков, которые ходили на драккаре Харальда лишь второе лето. Племянник конунга что-то сказал им, а те недовольно забормотали.

Олаф выругался про себя. Был бы на земле – непременно сплюнул бы, но на корабле за такое могли отсечь язык. Плевать за борт – гневить Ньёрда, бога морей и ветров. Он знал, чем были недовольны Ивар и те, кто сидел вокруг него. Они давно ждали свое серебро, и хотя Харальд никогда прежде не нарушал слова и добычей делился ровно так, как было обговорено, у молодых волчат руки горели поскорее его потратить.

Олаф покачал головой. Что-то здесь было нечисто. Он наблюдал за Харальдом уже давненько, как только они покинули залив, где встретились с Трувором. И с каждым днем увиденное нравилось старому кормщику все меньше.

Конунг потерял сон. Он вскакивал посреди ночи и уже больше не засыпал, слоняясь по палубе без дела. Он пил вечерами пойло франков, чтобы уснуть, но даже это не помогало, хотя обычно кислятина срубала здорового мужика, и тот спал без задних ног. Конунг достал из вещевого мешка старый оберег, который сделала его матушка очень-очень давно, и повесил потрепанную веревку на шею. Это беспокоило Олафа, и в голове у него роились одни смурные мысли.

К вечеру вдалеке показалась земля, и, немного подумав, Харальд решил, что те, кому любо, могут покинуть драккар и заночевать на берегу, неподалеку от поселения, окружавшего торг.

– Ставьте щиты, – велел он, стоя на носу корабля рядом с венчавшей его головой дракона.

Повинуясь его слову, мужчины развернули щиты белой стороной, которую было видно издали. Знак мирных намерений.

Войдя в прибрежную бухту, они сразу же заметили паруса драккара, на котором в море ходил Трувор. Где-то глубоко внутри Харальд таил недостойную надежду, что их пути разминутся.

Вдалеке уютными огнями светился торг. Наступал вечер, и купцы убирали товар, чтобы уже утром, задолго до рассвета, вновь вернуться на те же места. Над холмом, где раскинулось поселение, клубился дымок и сыто пахло снедью. Теплым печевом, зажаренным мясом.

– Баб и девок не портить, за все платить сполна. Донесут, что вы обидели кого-то, – скормлю Ньёрду. – Харальд расхаживал по палубе, хмуρο поглядывая на хирдманов.

Пристальнее всего всматривался в Ивара, который, будто нарочно, старательно отворачивался.

– Завтра же вернемся в море, – сказал Харальд напоследок.

Задерживаться на берегу он не хотел. Наблюдая, как его хирд по шаткому мостку покидал драккар, конунг хмурился. Вскоре на палубе остались лишь он и Олаф, который, никуда не спеша, сматывал потрепанные веревки.

– Я останусь здесь, – сказал он кормщику.

– Ивар стал забываться в последние дни, – невпопад отозвался Олаф, и конунг вдруг усмехнулся:

– Ему не хватает хорошей трепки в битве. Первый же налет – и его спесь исчезнет, как утренний туман над водой.

Олаф не был столь благодушно настроен. Он пожал плечами и погладил воинский пояс.

– Я, пожалуй, останусь с тобой, если не прогонишь. – Искоса поглядел на Харальда, который покачал головой.

– И никакого кислого пойла сегодня! – решительно добавил кормщик. – Заварю ягод, как полагается, добавим меда...

Посреди ночи конунг проснулся. Его разбудил не сон, как случилось в предыдущие дни. Где-то поблизости громко и надрывно кричала девушка. Харальд резко сел, выравнивая дыхание. По обнаженной спине катился пот. С тихим плеском вода мягко билась о борта драккара, и ночную тишину разрезал лишь громкий крик. Он не помнил, что ему снилось. Но, очнувшись, увидел, что сжимает рукоять меча.

Девушка продолжала кричать, и конунг нахмурился. Ему не было дела до чужой рабыни или жены. Но этот крик почему-то не шел у него из головы.

Потом он услышал смех. Мужской смех и мужские голоса. Держа в руке меч, Харальд выпрямился во весь рост и огляделся. Звук шел от берега. Никто там не спал, несмотря на поздний, самый темный час. Догорал наспех сложенный костер, и в его отсветах конунг увидел с десятков мужчин. Они стояли полукругом, со стороны леса, а прямо по центру, словно пичуга в клетке, металась девка – она была на добрую половину меньше самого хилого мужика. Они выдавливали ее с берега в холодную воду, окружив. Ей некуда было бежать, они преградили ей путь. Оставалось лишь одно – отступить. Она пятилась и испуганно озиралась по сторонам.

Харальд скривился, разглядев людей из хирда Трувора. И не удивился. Они промышляли насилием и умудрились сыскать себе дурную славу даже среди сородичей. А это что-то да значило.

Конунг прищурился и подавился воздухом, когда увидел, что в кругу стоял Ивар. Зарвавшийся щенок, который посмел нарушить его приказ! Он ясно сказал: не насильничать, девок и баб не обижать. А по бокам от племянника толкались два хирдмана, с которыми тот сошелся в последние седмицы.

Перехватив меч, Харальд подошел к мосткам и в крошечной темноте, рассеиваемой лишь тусклым пламенем костра, плавно сошел с драккара. Он ни разу не запнулся, не споткнулся. Он бежал по мосткам еще босоногим мальчишкой, с повязкой на глазах и со связанными за спиной руками. Он бежал в лютый шторм и под огромными волнами, когда вода смывала все на своем пути, утягивала людей в объятия грозного Ньёрда.

– Харальд? – Чутко спавший Олаф мгновенно проснулся.

– Там Ивар, – скупно обронил конунг.

Он услышал, как кормщик завозился, но не стал ждать. С едва различимым плеском он ступил в воду и направился к берегу, надежно сокрытый тьмой и безалаберностью собравшихся на берегу мужчин.

Он шел задать трепку хирдману, который не подчинился приказу своего господина, и лишь морщился, вслушиваясь в надрывный девичий голос. Но так продолжалось недолго. Вскоре он различил, что загнанная жертва кричала не только от страха. Девка на берегу что-то говорила. Нечто совершенно немыслимое, что вызывало каждый раз волну громкого хохота. Сперва он и сам не поверил. Подумал, что ослышался.

– Я княжна из Альдейгьюборге, – говорила запыхавшаяся девчонка. – Дочь конунга Ярислейва.

Она говорила на их языке, коверкая слова и с трудом их произнося, но смысл сказанного понять было можно.

Опьяненные хмелем и жаждой наживы мужчины на берегу ей не верили. Они уже ничего не слушали и не слышали. И пути назад для них не было: слишком заманчивой была жертва. Некоторые были пьяны так, что с трудом стояли на ногах.

Когда к ним из темноты бесшумно ступил Харальд, двое завизжали не хуже девчонки. Ноги у них подкосились, и они рухнули на влажный песок и поползли назад, словно грязные животные, выкрикивая просьбы к Одину, чтобы тот защитил их от Ньёрда, явившегося посреди ночи из моря.

Те, кто не до конца залил глаза, конечно, узнали в мужчине в одних портках и с мечом наперевес конунга Харальда. Девчонка была мгновенно забыта. Те двое из его хирда, дружки Ивара, отпрыгнули подальше, словно это могло их спасти.

– Мы ничего ей не сделали! – заверещали оба, мгновенно вспомнив и приказ, и то, что конунг посулил, если приказ будет нарушен.

А вот Ивар остался на месте. И мазнул злым взглядом по возникшему из ниоткуда дяде, следом за которым уже чуть более шумно ступил на берег и старый кормщик Олаф.

– Харальд конунг, – окликнул кто-то из хирда Трувора: шестеро воинов отделились и стояли теперь вместе. – Какая честь! Уступим тебе право первого с этой рабыней.

Тогда Харальд наконец обернулся и посмотрел на девчонку. Впервые внимательно и пристально.

Даже в той, которая выглядела нынче бездомной бродяжкой, в изорванной и грязной одежде, со следами ударов на лице, он узнал дочь Ярислейва.

Он встретил ее в Альдейгьюборге несколько лет назад, когда гостил у ее отца. Тогда девчонка была неоперившимся птенцом, сейчас же она расцвела в лебедя – он видел это даже сквозь тряпки и грязь.

Яромира стояла в холодной воде по колени и почти не чувствовала ступней. Оборванный подол поневы, в котором с трудом можно было узнать нарядную, с любовью вышитую одежду, набух и тянул ее назад. Она знала, что еще пара шагов, и глубина будет уже по пояс, а чуть погодя – по грудь. Плавала она всегда скверно... Княжна зашарила взглядом по темной поверхности воды. Быть может, утонуть – лучшее решение?..

Яромира решила попытаться еще раз.

– Я дочь конунга Ярислейва, – повторила она, стараясь смотреть прямо в глаза человеку, который пугал ее сильнее всех тех, кто загнал ее на берег, словно раненое животное.

Ее сорванный, надломленный голос звучал жалко. Она сама это слышала и закусил губу. Кто в своем уме поверит какой-то бродяжке? А ведь именно так после своих скитаний она и выглядела.

Мужчина оказался ей знакомым. Возможно, в другое время и в другом месте она узнала бы его. По одежде, и по броне, и по оружию, которое он носил. Но сейчас перед ней в бледном свете костров стоял обнаженный по пояс норманн со встрепанными волосами. На груди у него

были не то выбиты, не то нарисованы чудные узоры, и они приковывали взгляд Яромиры, как бы сильно она ни противилась.

– Я помню тебя, дочь конунга. – Когда он заговорил, она не поверила тому, что слышит.

Он говорил с ней на родном языке! Путая слова, с трудом произнося звуки, но на *родном* языке!

Харальд нахмурился, когда девчонка вздрогнула и покачнулась. Что, она вдруг оглохла?.. Или все же лишилась разума и потому не поняла, что он сказал?

– Дочь Ярислейв конунга? – хищно протянул хирдман Трувора. И облизнулся, разглядывая стоявшую в воде княжну. – Я думал, мы нашли себе развлечение на ночь, братья! – провозгласил он и вскинул сжатый кулак. – Но мы отыскали настоящее сокровище. Драгоценная птичка.

Послышался смех.

– Эй, девка, ведаешь ли ты, что твой отец вздумал противиться нашему господину, конунгу конунгов Рёрику? – Он сделал несколько шагов в сторону застывшей девушки, и Харальд пошел ему наперерез.

Он сплюнул себе под ноги, услышав про конунга конунгов, и это не осталось незамеченным.

– Сынок... – Шепот Олафа донесся до него тишайшим дуновением ветра, и Харальд повел плечами, разгоняя застывшую кровь.

– Как тебя зовут? – спросил, посмотрев на остановившегося хирдмана.

– Снорри, – дерзко отозвался тот. – Эта девка – наша добыча, Харальд конунг. Мы нашли ее первой. Она наша, и нашего господина Трувора, и его брата господина Рёрика.

Слишком часто хирдман упоминал ненавистное имя. Харальд начал звереть. Он бросил взгляд через плечо: за ним стоял верный Олаф, чуть дальше – Ивар и два щенка. При каждом из них был меч, а вот броню все давно сняли. Он и сам сошел на берег без рубахи. Людей Трувора было больше, и вооружены они были лучше.

Но еще никогда в жизни Харальд не отступал. Будь он один против сотни, он бы все равно вышел, если бы чувствовал за собой правду.

– Никуда не убегай, милая. – Снорри гоготнул и подмигнул княжне, у которой лицо сделалось белым-белым. – Мы уж тебя приласкаем. Отцу отправим кусками.

Конечно же, после таких слов девчонка рванула в единственную сторону, куда еще могла, – в воду. Довольно быстро она ушла сперва по пояс, затем по грудь, а затем и вовсе в последний раз оттолкнулась от дна ногами и поплыла. Но недолго. Тяжелая одежда и страх тянули вниз, на дно.

Она ушла под воду с головой в считанные мгновения, на берегу никто и дернуться не успел.

– Вытащи ее! – Харальд круто развернулся и нашел взглядом Олафа.

Он уже не увидел кивка кормщика: к нему с обнаженным мечом, тяжело утопая в песке, бежал Снорри.

– Ты посмел поднять руку на конунга. – Изготовившись, Харальд усмехнулся. – Я отрублю ее.

Он видел, что следом за Снорри с места сорвался еще один воин. А к четверым, что стояли неподвижно, первым бросился уже его племянник Ивар. За спиной конунга раздался громкий всплеск: кажется, кормщик вошел в воду. Он хотел бы обернуться, но не мог: пламя костра тускло блеснуло на лезвии занесенного Снорри меча. Харальд выставил свой, и на песок осыпались высеченные соприкосновением железа о железо искры.

Конунг отбил удар и, вывернув руку, едва не выбил у Снорри меч. Тому пришлось пятиться, чтобы сберечь оружие, а на Харальда накинута второй хирдман Трувора. Харальд упал на песок, позволив нападшему рассечь воздух у себя над головой, а когда того из-за пустого удара повело на несколько шагов вперед, взвился на ноги, развернулся в прыжке,

выбросил руку и рассек лезвием и кожаную броню, и тонкую рубаху, и жилы на спине. Хлынула первая кровь.

Новый удар просвистел в нескольких пальцах от лица Харальда. Он ушел вбок и резко взмахнул мечом, рассыпав по песку кровавые брызги. За его спиной глухо стонал свалившийся на колени мужчина; перед ним, дыша яростью, стоял Снорри. Ноздри у него раздувались, словно у хищного зверя. Конунг бросился вперед, когда его противник раскрыл рот – то ли для крика, то ли для оскорбления.

Босые ступни скользили и утопали во влажном песке, но конунг привык сражаться посреди пучины морских волн на мокрой шаткой палубе, что уходила из-под ног при каждом шаге. Песок не стал для него помехой. Харальд бросился вперед, быстро орудуя мечом: замах, замах, еще замах. Снорри только и успевал отбиваться от стремительных атак и выпадов. Он пятился вслепую и уже не чувствовал за собой былой уверенности.

Харальд сосредоточенно и молча выдавливал Снорри с пляжа. Подальше от воды, подальше от песка, пока тот не уткнулся лопатками в камень возвышавшейся над берегом скалы, на вершине которой находилось поселение.

Снорри клацнул зубами, когда понял, что отступить некуда. Конунг усмехнулся нехорошей усмешкой и замахнулся – стремительно, Снорри и дернуться не успел, – и вот уже его рука, сжимавшая меч, упала Харальду под ноги, а все вокруг залила кровь. Слепленный болью, Снорри закричал и пошатнулся, рухнул на колени. Его глаза наполнились ужасом, когда он *увидел* свою ладонь на песке.

Страхнув с меча кровь, Харальд удовлетворенно хмыкнул. Развернулся и пошел прочь, не опасаясь получить удар в спину.

На берегу двое оставшихся хирдманов Трувора стояли подняв руки, а оружие валялось у их ног. Ивар хищно скалился, глядя на них, и поигрывал мечом.

– Оставь их, – велел конунг.

– Ты отпустишь их живыми?

– Они сложили оружие. Пусть идут.

Харальд пожал плечами, глядя на Олафа, сидящего на берегу, и девчонку, что распласталась перед ним на спине.

Издалека он не видел, вздымалась ли ее грудь, была ли она жива.

– Они обо всем поведают Трувору! – воскликнул Ивар.

Перехватив взгляд дяди, он проследил за ним и зло оскалился, когда понял, куда смотрел конунг. На девку! На девку, из-за которой он все это и затеял! Злость закипела в молодом мужчине, словно хорошо разогретая смола. Он всегда вспыхивал мгновенно: хватало малейшей искры, дуновения ветра, чтобы его сердце охватывало жгучее, разъедающее все вокруг пламя.

Он родился в стране снега и льда в темную ночь, когда солнце не всходило над землей, но внутри Ивара пылал огонь хлеще, чем в жерле самого глубокого вулкана.

– Ты этого боишься? – осадил его Харальд, и Ивару потребовалось время, чтобы прийти в себя.

– Что?.. Да как ты можешь... – Ивар задохнулся, когда понял, о чем говорил дядя. Он обвинял его в трусости! Дальше он уже не думал. – Ты решил сцепиться с Трувором из-за какой-то девки, дядя!

Развернувшись, Харальд наотмашь хлестнул племянника по щеке, и удар отбросил того назад. Ивар едва не упал, согнувшись, чтобы устоять на ногах.

– Я высеку тебя так, что будешь харкать кровью, если услышу от тебя еще одно слово, – спокойно пообещал конунг, встретившись с племянником взглядом.

Тот подавился воздухом. Открыл рот, сделал жадный глоток и снова закрыл, раздумывая, очевидно, как далеко конунг мог зайти в своих угрозах. Спустя несколько мгновений Ивар решил, что настало время прикусить язык.

– Вот и славно.

Харальд скривился и сплюнул, а после зашагал к кормщику, который по-прежнему сидел на берегу рядом с дочерью конунга Ярислейва.

Подойдя чуть ближе, он увидел, что та дышала. Грудь, которую плотно облепила намочившая рубаха, мерно вздымалась, но глаза у девчонки были закрыты. Кормщик поднялся ему навстречу и вытер мокрые ладони о портки.

– Почему ты поверил ее словам? Девка похожа на бродяжку без роду без племени. – Олаф посмотрел на конунга с явным недоверием и укором.

– Я узнал ее, видел в доме ее отца.

– Ты лжешь мне, Харальд, и это ничего. – Кормщик пронизательно прищурился. – Но худо, что ты лжешь себе.

Вождь поморщился, словно от зубной боли, и одарил Олафа хмурым взглядом исподлобья:

– Держи мысли при себе, старик. И не болтай попусту.

Кормщик лишь усмехнулся, обнажив в оскале зубы. Нарочитая грубость конунга его не смутила.

За их спинами отпущенные Харальдом люди Трувора волокли своих раненых подальше от берега. Двое остались лежать на песке: они не увидят рассвет нового дня. Конунг обернулся и посмотрел им вслед и Олаф перехватил его взгляд:

– Они расскажут Трувору, и он придет за тобой, за девкой.

– Пусть приходит, – хмыкнул Харальд. – Пусть созывает тинг. И пусть расскажет, как его щенок первым поднял против меня меч.

– Ты вступился за нее. – Кормщик сокрушенно покачал головой. – За девку русов. О чем ты только думал?

– Хватит, – низким голосом на грани рычания одернул его конунг. – Довольно, старик, я тебе не сопливец, которого ты учишь уму-разуму.

– А жаль! – искренне огорчился Олаф, и Харальд вдруг хмыкнул.

Злость на кормщика словно рукой сняло. Он вновь посмотрел на дроттнинг²¹.

– Что будешь с ней делать? – Старик не унимался. – Девка на корабле, да еще и из русов... Она всю палубу заблюет. Того и гляди, помрет во время пути. Они же слабые. Изнеженные. Тихие. Не такие, как наши женщины.

Харальд вновь усмехнулся и искоса поглядел на Олафа:

– Мыслишь, слабая, изнеженная да тихая выжила бы, забравшись так далеко от дома? Сколько дней пути до Альдейгьюборге?

Кормщик закричал и пожал плечами. Отвечать он не стал, и его молчание лишь подтвердило правоту Харальда.

– То-то же, – сказал конунг.

– Зачем она тебе? – не унимался Олаф.

– Затем, что конунг конунгов Рёрик, – презрительно скривился он, – мне не нужен. Ты слышал, о чем они говорили. Ярислейв вздумал противиться Рёрику. Тот напрасно надеялся, что Гардарики добровольно пойдет под его сапог, целовать край запыленного плаща. Я заключу с Ярислейвом союз, и его дочка, находящаяся в моих руках, поможет ему принять верное решение.

– Ты пойдешь против своей крови...

– Он мне не кровь! – свирепо и страшно рыкнул Харальд, мгновенно переменявшись в лице. – Он змея, отравившая разум моему отцу. Он зверь, который отнял у меня Уну... – Он сжал кулак, подавившись словами, и заставил себя замолчать.

²¹ Княжна.

– Пусть не кровь... – покладисто согласился Олаф. – Ты пойдешь против своих же, своего племени. Тебя никто не поддержит. Тебя убьют.

Харальд сверкнул холодным взглядом и растянул губы в подобие улыбки.

– Поддержат, – сказал уверенно. – Поддержат, когда я предложу им равный союз, а не рабское подчинение приказам конунга конунгов, – презрительно скривившись, договорил он.

Все было забыто. То, что он намеревался обойти стороной предстоящие сражения, никак не касаться Рёрика и его людей, пойти грабить земли франков. Все это осталось в прошлом.

Яромира, до того лежавшая тихо и неподвижно, вдруг закашлялась, силясь вздохнуть. Мужчины посмотрели на нее, и Олаф сказал первым, бросив перед тем на Харальда пристальный, изучающий взгляд:

– Я донесу девку. А то правда помрет прямо тут.

– Нет. – Конунг остановил его раньше, чем успел подумать. Не глядя, протянул тому меч. – Присмотри, чтобы эти, – указал на Ивара и двух хирдманов, – вернулись на драккар. Дроттнинг понесу я.

Харальд склонился и легко поднял Яромиру с песка. Даже в намокшей, потяжелевшей одежде она ничего не весила. Он прижал ее к груди и спокойно пошел на драккар, чувствуя, как спину прожигает взгляд Олафа. А вскоре и взгляд Ивара, который не мог поверить, что увидел у дяди на руках девку русов.

Харальд старался на нее не смотреть, но не мог. Приметил и старые царапины на щеках, и свежие ссадины. Ее мокрые ресницы трепетали, словно она вот-вот откроет глаза, и конунг ускорил шаг. Он знал, что его лицо напугает ее, если она очнется, и не хотел, чтобы дроттнинг боялась. Намокшая рубаха с разорванным воротом съехала на плечо, открывая его взору тонкую шею и ключицы. Он прижимал ее гораздо крепче, чем нужно. Совладав с собой, Харальд отвернулся и ослабил хватку, чтобы тело девчонки не касалось его обнаженной груди.

На драккаре викингов

Яромире снился дом. Она была совсем-совсем еще малышкой, и женщина с добрыми глазами и тихим, ласковым голосом качала ее в люльке. Убаюканная и успокоенная, девчушка засыпала.

Из сладкого забытия ее выдернули голоса. Грубые, хриплые. Мужские. Еще не открыв глаза, княжна поняла, что младенческая колыбель приснилась ей не просто так. Она и сейчас чувствовала, как ее качало по волнам на чужом корабле, на драккаре норманнов.

Она застонала, когда воспоминания одно за другим обрушились на нее мощной лавиной. Как она скиталась по лесу, сбежав от похитителей. Как долгое время боялась покинуть свое укрытие в тени деревьев и выйти к людям. Как ела ягоды и пила студеную воду из ручьев, как мерзла ночами без костра. Как украла в поселении молоко. Как решилась наконец показаться на свет, но никто ей не поверил. Никто не признал в замарашке в грязных, рваных тряпках княжну Яромиру из Ладоги.

А затем она вспомнила, как норманны загнали ее на берег и она уже простилась с жизнью. Последним, что Яромира тогда увидела, стала сомкнувшаяся над ее головой водная гладь. Как ее спасли, кто, зачем – ничего из этого в ее памяти не отложилось. Может, и к лучшему.

Несколько минут она набиралась сил и храбрости, чтобы открыть глаза. Сквозь дрожащие веки и ресницы бил свет. Мелькали тени, то и дело загораживая солнце. Звучала грубая гортанная речь, резкая, словно удар меча, и такая же хлесткая. Язык норманнов. Она неплохо понимала его на слух, но сама могла сказать лишь пару фраз: как-то в особенно студеную зиму, когда они безвылазно сидели в тереме, отец от скуки взялся их учить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.